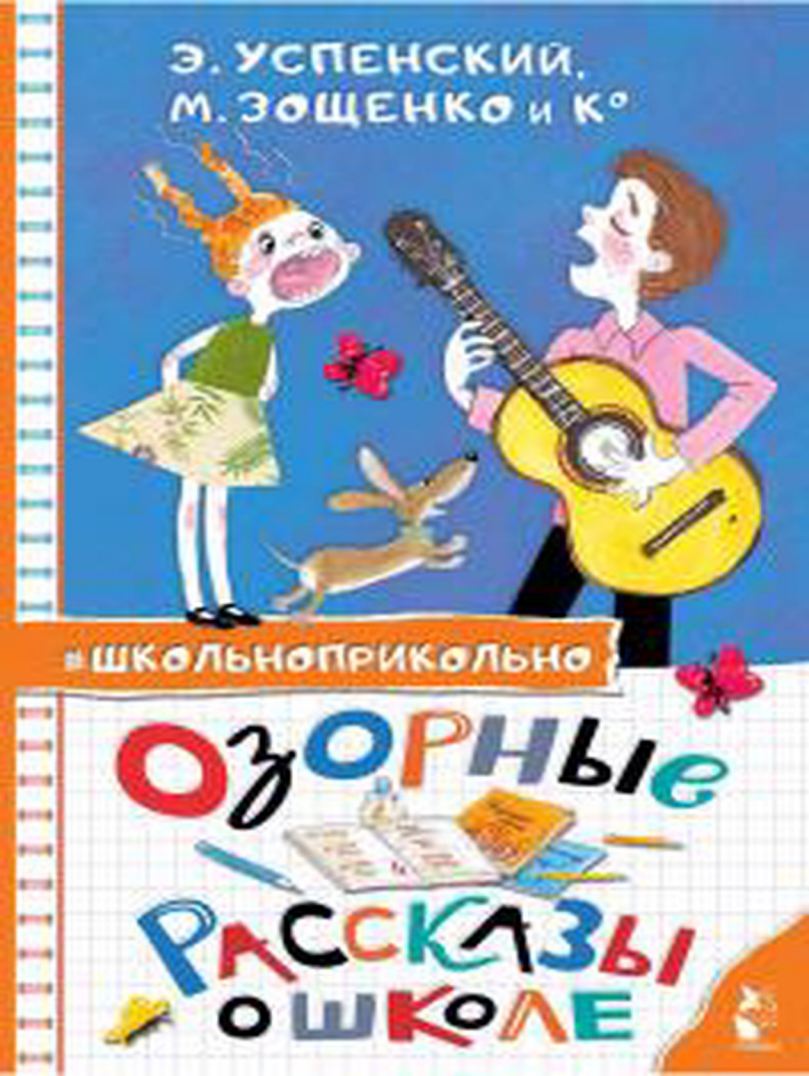

Э. УСПЕНСКИЙ,
М. ЗОЩЕНКО и К°
#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО
ОЗОРНЫЕ
РАССКАЗЫ
О ШКОЛЕ

Озорные рассказы о школе

Лия Борисовна Гераскина, Валентина Александровна Осеева, Михаил Михайлович Зощенко, Владимир Карпович Железников, Радий Петрович Погодин, Эдуард Николаевич Успенский, Инна Липовна Гамазкова, Марина Владимировна Дружинина, Сергей Анатольевич Махотин, Ирина Алексеевна Антонова, Людмила Борисовна Ткаченко, Григорий Аркадьевич Иоффе

Аннотация
Озорные рассказы о школе. Коллектив авторов.
Коллектив художников
И. Антонова. Вредная. Рис. А. Власовой
Г. Иоффе. Испорченный телефон. Рис. А. Власовой
Л. Ткаченко. Внешность обманчива,. или Операция «Булочка». Рис. Н. Беланова
М. Дружинина. Элементарно, Ватсон!. Рис. Н. Беланова

Наш Куку
Звезда и капуста
М. Зощенко. Самое главное. Рис. Е. Муратовой
Не надо врать. (Из цикла «Лёля и Минька»)
Э. Успенский. (Из повести «Меховой интернат»).
Глава вторая. Меховые интернатники. Рис. В. Чижикова
Междуглавие второе. Разные размышления и события в школе
Л. Гераскина. В стране невыученных уроков. (Отрывок из книги). Рис. В. Чижикова
Сергей Махотин. Неправильные приставки. Рис. М. Спеховой
Сто к одному
В. Осеева. Танины достижения. Рис. А. Кукушкина
Все вместе
Чего нельзя, того нельзя
Р. Погодин. Кто нагрел море. Рис. Н. Беланова
Чижи
День рождения
В. Железников. Разноцветная история. Рис. К. Почтенной
И. Гамазкова. Лисапет,. или Подвиг двоечника. Рис. К. Почтенной

Аннотация

В сборник вошли самые весёлые, самые лучшие рассказы о школе известных современных писателей и писателей-классиков — Э. Успенского, С. Махотина, В. Осеевой, М. Зощенко и других. Из книги ребята узнают, как прославился мальчик с забавной фамилией, что случилось с одним папой в простой московской школе и к чему приводят бесконечные телефонные разговоры. А ещё — познакомятся с меховыми интернатниками и побывают в стране невыученных уроков.Для среднего школьного возраста.

Озорные рассказы о школе

Коллектив авторов

Коллектив художников

Серия «Школьноприкольно»

Дизайн обложки Т. Барковой

© Антонова И. А., 2023
© Дружинина М. В., 2023
© Гамазкова И. Л., насл., 2023
© Гераскина Л. Б., насл., 2023
© Железников В. К., насл., 2023
© Зощенко М. М., насл., 2023
© Иоффе Г. А., 2023
© Махотин С. А., 2023
© Осеева В. А., насл., 2023
© Погодин Р. П., насл., 2023
© Ткаченко Л. Б., 2023
© Успенский Э. Н., насл., 2023
© Беланов Н. В., ил., 2023
© Власова А. Ю., ил., 2023
© Муратова Е. Л., ил., 2023
© Почтенная К. О., ил., 2023
© Спехова М. Е., ил., 2023

© Чижиков В. А., ил., насл., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Кара-Жубек

И. Антонова
Вредная

Рис. А. Власовой

Вася влюбился в Таню. И нахватал по математике двоек. Причём сделал это сознательно. Он

как рассудил: Таня лучше всех в математике разбирается, а раз так, то он смело может обратиться к ней за помощью. Таня придёт к нему домой, вот тут-то он и расскажет ей о своей великой любви.

Однажды после уроков Вася попросил Таню:

— Помоги мне с математикой, а то меня на второй год оставят.

И так печально на неё глянул, что Таня согласилась:

— Ладно, я к тебе в три приду. — И пошла домой обедать.

Вася ликовал.

Он пулей влетел в квартиру и… растерянно замер. За его письменным столом, размазывая краски по листу картона, сидела младшая сестрёнка Катя.

— Ты почему не в саду? — накинулся на неё Вася.

— У нас карантин, а мама на работе, — радостно сообщила Катя.

Вася схватился за голову и зашагал по комнате. Вот те на! Хотел Тане в любви признаться, но разве при Катьке это сделаешь? Даже если запе-

реть её в ванной, всё равно подслушает и маме наябедничает.

Вдруг Васю осенило.

— Собирайся! — потребовал он.

Петя отворил дверь.

— Выручай! — с порога взмолился Вася. — Пусть Катька у тебя побудет. Немного. Всего час!

— Это ещё зачем? — удивился друг.

— Матери дома нет, а ко мне Таня должна прийти. Математикой заниматься будем.

— Ну и что? — не понял Петя. — Что, Катька вам помешает?

— Ещё как! Знаешь, какая она вредная! — и Вася дёрнул Катю за рукав. — Скажи!

Катя скосила глаза за спину брата. Там её подкарауливал увесистый Васин кулак. Она вздохнула и подтвердила:

— Вредная.

А Вася уже кубарем катился с лестницы, крича на бегу:

— Слышь, я недолго… честное слово!..

Петя впустил Катю в квартиру и тут же спохватился:

— Тьфу ты! Совсем забыл. Я же договорился с Мишей встретиться.

Он взял девочку за руку и вывел на лестничную

площадку. Но Васи уже и след простыл.

— Что же мне с тобой делать? — задумался Петя. — Взять с собой не могу — мешать будешь.

И тут взгляд его упёрся в дверь соседней квартиры. Петя обрадовался. Там, за этой дверью, живёт добрая девочка Люда. Она непременно выручит!

— Привет! — сказал Петя, когда на пороге показалась Люда.

— Уже здоровались! Чего надо?

— Вот эту девочку не с кем оставить, — заробел Петя. — Не могла бы она у тебя немного побыть?

— А где её родители? — Люда подозрительно разглядывала Катю.

— Понимаешь, у неё старший брат… А к нему сейчас должна прийти девчонка… заниматься. А она им мешать будет! — торопливо объяснял Петя.

Люда склонила голову набок и прищурилась. «Была охота с малышнёй возиться!» — подумала она, а вслух сказала:

— Нет, не могу. Мне в аптеку надо.

— Вот и отлично! Вместе сходите. — Петя подтолкнул Катю вперёд и побежал вниз.

— Эй! — крикнула Люда, но было поздно. Дверь подъезда с грохотом захлопнулась. Люда с сомнением посмотрела на Катю и предложи-

ла: — Может, гулять пойдём?!

— Пойдём, — и Катя достала из кармашка мел. — Я рисовать буду.

Сначала на асфальте появился дом, затем цветы выше крыши, а ещё погодя — нечто непонятное с собачьим хвостом. Люда, скучая, смотрела, как ловко управляется Катя с мелом. И тут её окликнули:

— Привет, Вихрова!

— Привет! — обрадовалась Люда и улыбнулась подошедшему Вадику.

— Хочешь видик посмотреть? Мне новый фильм принесли. Потрясный! — предложил он.

— Спрашиваешь! Конечно, хочу!

— Тогда пошли.

— Пошли, — согласилась Люда, но тут же спохватилась: — Только я не одна, — и указала на Катю. — Её оставить не с кем.

— Ну извини, Вихрова! У меня дома не детский сад. — И Вадик повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! — Люда беспомощно огляделась по сторонам.

По двору, радуясь весеннему теплу и солнцу, шла Таня.

— Выручай! — подскочила к ней Люда. — У нас с Вадькой срочное дело. А тут эта! — И кивнула в

сторону Кати.

— Сестра? — спросила Таня.

— Какая там сестра! Подкидыш! У неё родителей нет. Только старший брат. А к нему сейчас девица должна прийти. Невеста, что ли… свататься… А она, вредная, — и Люда сердито указала на Катю, — будет им мешать. Вот меня и попросили её покараулить, а тут Вадик… срочное дело… Через час я её заберу. Честное слово! — И Люда побежала догонять Вадика.

Таня присела на корточки возле Кати.

— Тебя как зовут?

— Катя, — сказала девочка, продолжая водить мелом по асфальту. — Смотри, я сказочный дворец нарисовала.

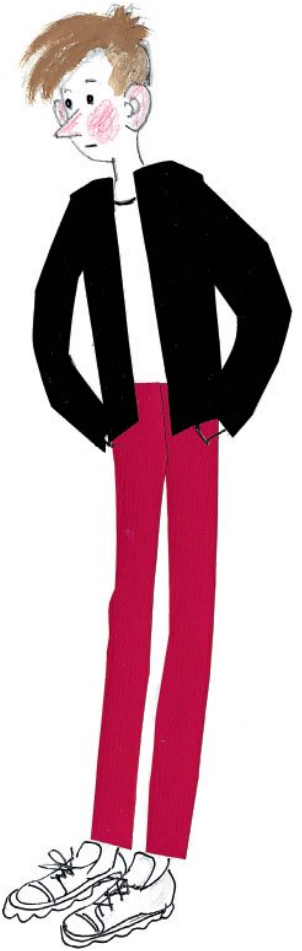
— Молодец! — похвалила Таня и протянула ей жвачку. — Держи!

— Спасибо! — поблагодарила Катя.

— Никакая ты не вредная, — улыбнулась Таня и встала. — Пошли. Я тоже иду по делу, к одному мальчику. Мы с ним математикой заниматься будем, но ты нам не помешаешь.

В квартире соловьём защёлкал звонок. В такт ему забилось Васино сердце: «Пришла!» Вася распахнул дверь. На пороге стояла Таня. Вася открыл было рот, как вдруг из-за Таниной спины выглянула Катя и закричала:

— Я уже нагулялась!



— Так это твоя сестра? — вытаращила глаза Таня.

— Его, его! — обрадовалась Катя. — И я всё маме скажу, что ты приходила к нему свататься.

— И правда вредная! — охнула Таня и покраснела.

Г. Иоффе
Испорченный телефон

Рис. А. Власовой

— Как ныне сбирается вещий Олег... — прочи-

тал Пятёркин, однако куда сбирается Олег, узнать не успел — зазвонил телефон.

— Слушай, Пятёркин, — раздался в трубке бравый голос Четвёркина, — а разве по литературе не задано?

— Как не задано? — удивился Пятёркин. — Задано. «Песнь о вещем Олеге». Читать до конца, три первых строфы наизусть. От слов «Как ныне» до «ты коня». Записал?

— Записал. Привет! — распрощался Четвёркин и раскрыл учебник. Но тут зазвонил телефон.

— Представляешь! — закричал из трубки голос

Тройкина. — Смотрю дневник — ни по одному предмету не задано. А мне что-то такое помнится — вроде по литературе не то басню, не то что-то такое задавали. Не знаешь, а?

— Какая басня, когда песня, — солидно пояснил Четвёркин. — «Песня про вещи Олега». От слов «Как ныне» до «тыконя» — наизусть.

— Ну и назадавали! — возмутился Тройкин и хотел было уже раскрыть учебник, да зазвонил телефон.

— Расписание на завтра не знаешь? — сладко позёвывая, поинтересовался Двойкин.

Тройкин продиктовал ему расписание и даже объяснил, что задано.

— А я уже решил — выходной завтра, а потом смотрю — четверг, — сообщил Двойкин и отключился.

На следующий день первым вызвали Двойкина.

— Расскажи-ка нам, что задано на сегодня, — попросила учительница.

— Я знаю, я учил! — заявил Двойкин. — Значит, так… Только я не всё наизусть учил! Я только «Пень» наизусть. А «Вещи» и «Телегу» — читать. Правильно?

— Телегу? — удивилась учительница.

— «Телегу», — подтвердил Двойкин, — а «Пень» — наизусть.

— Ну-ну, рассказывай «Пень», — согласилась учительница. Двойкин вытянул вперёд руку и продекламировал:

— Как Нине тыконя… тыконя как Нине…

— Ну что же ты остановился? — спросила учительница. — Дальше-то что?

Дальше Двойкин не знал, но не растерялся.

— Я учил, — сказал он. — Мне Тройкин по телефону. Тыконя, как его…

— Садись, Двойкин, — вздохнула учительни-

ца. — А продолжит Тройкин, он смеётся громче всех.

— Конечно! — вылезая из-под парты, принялся объяснять Тройкин. — Он же всё перепутал. Про телегу что-то такое. Какая телега? Не телега, а Олега. Имя такое — Олег. Как у нашего Шестёркина.

— Что дальше? — прервала рассуждения Тройкина учительница.

— Как что? Басня такая, «Пень и вещи Олега» называется. Мне Четвёркин по телефону…

— Спасибо, Тройкин, хватит, — поблагодарила учительница. — Четвёркин!

На Четвёркина от смеха напала икота.

— Не пень — ик, а песнь, — сказал он. — Ик, песнь про вещи — ик, Олега.

— Как-как? — переспросила учительница.

— Олега — ик, про вещи, песня, — нерешительно повторил Четвёркин.

— Песня?

— Песня.

— Тогда пой! — потребовала учительница.

Четвёркин окинул взором класс, подмигнул Шестёркину, глубоко вздохнул и запел:

— Как ныне сбирается вещи Олег, ик, возить — продавать по базарам…

— Спасибо, — перебила учительница. — Садись, пятёрка!

— Мне? — удивился Четвёркин.

— Почему тебе? Вам всем. На троих.

Икоту Четвёркина как рукой сняло.

— Между прочим, — возразил он, — пять на троих не делится.

— А ты как делил? — спросила учительница.

— Ну как? В уме.

— В уме не делится, — согласилась учительни-

ца. — А в журнале — очень даже хорошо делится. И даже без остатка.

— В журнале?

— А ты думал — в телеге?

— Ничего я не думал…

— То-то и оно, что не думал. Забирай-ка свою вещь, — учительница протянула Четвёркину дневник, — и пойди посчитай, сколько будет пять разделить на три. Ответ сверишь по дневнику.

— А если не сойдётся? — поинтересовался Четвёркин.

— Не сойдётся — проверишь по телефону.

— Точно! — обрадовался Четвёркин. — Телефон! И как это я забыл?! Да мне Пятёркин по телефону!..

Но тут он вдруг осёкся, будто змея его укусила, и, глядя под ноги, осторожно побрёл к своему месту — рядом с Олегом Шестёркиным.

Л. Ткаченко
Внешность обманчива, или Операция «Булочка»

Рис. Н. Беланова

В понедельник в 1 «А» пришла новенькая. Все мальчишки в неё сразу, как по команде, влюбились. Кроме Стасика, его в тот день в школе не было. У новенькой всё было ужасно красивое!

И имя — Снежана Белкина, и банты — большие и белые, и туфельки — красные и блестящие! Не девочка, а пирожное с кремом! Такую даже за косичку дёрнуть неловко. А как ещё любовь доказывать?

— Вот если нападут на неё хулиганы, я её спасу! — заявил Димка Малкин и руками-ногами замахал, почти как Джеки Чан.

— А если за неё выкуп потребуют, я свою копилку пожертвую! — подхватил Дениска. — Я уже три дня на велик коплю!

— А я ей дам свой мобильник посмотреть, — продолжил список «подвигов» Вадик, — если мама разрешит.

— А я про неё стихотворение напишу! — воскликнул поэт Юрчик и, закатив глаза, завёл:

В белый бант одета
и красную туфлю́,
Белкина Снежана,
я тебя люблю!

— А я, — перебил его Мишка Пряников, — я ей свою булочку сегодня за обедом отдам!

Все сразу притихли и с уважением посмотрели на Мишку. Потому что булочка с клубничным джемом — это вам не какие-нибудь хулиганы со

стихами! Только Димка упрямо буркнул:

— Всё равно бандиты круче.

Но всем было ясно, что это он просто так сказал — от досады, что не он придумал.

— Не, — покачал головой Никита, — твои хулиганы когда ещё будут, а обед — после третьего урока!

И все с нетерпением стали ждать большой перемены. Один Мишка не ждал, он уже пожалел, что про булочку ляпнул. Да и лучший друг Лёха Костиков покрутил пальцем у виска:

— Лучше б ты сосиску отдал!

Да Мишка и сам знал, что лучше. Потому что такие восхитительные булочки только в школе пекли.

— Может, она откажется, а? — с надеждой посмотрел он на друга.

— С чего бы? — хмыкнул Лёшка.

— Ну, а вдруг она, как твоя сестра, балерина? Ты же сам говорил, что они только воздухом питаются!

Лёха внимательно посмотрел на новенькую.

— Сейчас проверим! — пообещал мальчик и бодро направился к парте Белкиной.

Он вертелся юлой, поднимался на цыпочки, приседал…

— А что это ты делаешь?! — открыла рот Снежана.

— Как что? — Лёшка как раз изобразил «ласточку». — Не видишь, что ли? Это же флик-фляк! — припомнил он слышанное от сестры слово.

— Шапокляк?! — наморщила лоб девочка. — Это я, что ли, Шапокляк?! — и она треснула Лёху линейкой.

Костиков даже упал от возмущения.

— Не, — отряхивая брюки, пояснил он Мишке, — не балерина она! Про «флик-фляк» не знает.

— А может, у неё эта… ну… как её… аллергия? — размечтался мальчик. — А что? У моего двоюродного брата есть. Так он ничего, кроме каши, не ест.

— Сейчас! — опять направился к новенькой Лёшка.

— Хочешь? — помахал он перед носом девочки «Красной Шапочкой».

Белкина без слов выхватила из рук мальчика конфету.

— Нет у неё никакой аллергии, — недовольно буркнул Лёха, — видал, как схомячила?

Мишка загрустил: делиться не хотелось, но слово — не воробей.

— Идея! — воскликнул Лёшка. — Ты протянешь булочку Белкиной, а мой брат, он в третьем классе учится, выхватит её у тебя и убежит. Ты вроде и ни при чём! Конечно, потом ему надо будет полбулки отдавать! Зато другая половина тебе останется!

Мишка подумал и согласился — полбулки лучше, чем ничего.

Наконец наступила большая перемена, и 1 «А» отправился в столовую. Как назло там одуряюще пахло свежеиспечёнными булочками. Первоклашки их мгновенно с подноса расхватали и на Пряникова уставились. Под их ждущими «подвига» взглядами Мишка поплёлся к Снежане.

— Внимание! — зашептал верный друг. — Операция «Булочка» начинается!

К Мишке развязной походкой двинулся Лёшкин брат. Но ещё раньше к нему же направился гроза малышей пятиклассник Прыщ. Однако, прежде чем они добрались до Пряникова, тот споткнулся и грохнулся на пол. Булочка укатилась под стол Снежаны. Туда же кинулся Лёшкин брат, Прыщ, сама Белкина и ещё полкласса. Получилась небольшая свалка. Но самой шустрой оказалась пригретая работниками кухни маленькая беленькая собачка с несобачьим

именем Зайка. Она-то и унесла в зубах ароматную булочку. Прыщ от досады отвесил Мишке подзатыльник, Лёхин брат погрозил кулаком, а Снежана, потерявшая в битве под столом бант и туфельку, презрительно фыркнула:

— Растяпа!

Операция «Булочка» с треском провалилась.

— Говорил же, что хулиганы круче! — фыркнул довольный Димка.

— Не, — хихикнул Лёшка, — от них она и сама отобьётся! Видал, как она за булочку дралась!

Мальчишки дружно посмотрели на Снежану — растрёпанная, в одной туфельке, с поцарапанным носом… На пирожное с кремом уже совсем не похожа.

— Да уж, — разочарованно протянул Димка, — теперь я понимаю, почему бабушка говорит, что внешность обманчива!

Мишка вздохнул:

— Эх, зря только булочка пропала!

Лёшка с Димкой, не сговариваясь, разломили свои булочки пополам и половинки протянули Мишке, как пострадавшему за любовь.

М. Дружинина
Элементарно, Ватсон!

Рис. Н. Беланова

Посмотрел я в очередной раз фильм про Шерлока Холмса и твёрдо решил: буду сыщиком. Самого высокого класса, как Шерлок Холмс. Главное в этом деле — наблюдательность, умение мыслить логически и специальные знания. Прямо сейчас и начну тренироваться.

Тут в комнату вбежал Кирюшка. Рот у него был перемазан свёклой. Я пристально посмотрел на братишку, и мысль моя заработала.

«Кирюшка весь в свёкле. Значит, он её ел. Логично. Но одну только свёклу Кирюшка есть не станет — не любит. Зато он обожает свекольник и винегрет — вот и специальные знания пригодились. — Я довольно потёр руки. — Поехали дальше. Свекольник исключается — Кирюшка обязательно облился бы этим самым свекольником. Остаётся винегрет! А я его, между прочим, тоже люблю!»

Я кинулся на кухню к бабушке:

— Можно винегретика?

— Как ты узнал, что я его приготовила? — удивилась бабушка.

— Элементарно, Ватсон! — я пожал плечами. — Метод дедукции!

— Дедукция, говоришь? — заглянул в кухню дед. — А ты мою газету можешь найти? Ума не приложу, куда она подевалась. Всю квартиру обыскал! — дедушка начал было сокрушённо вздыхать, но неожиданно заметил комара, севшего ему на руку. — Ух, мерзавец! — дедушка хлопнул комара. — Ни днём, ни ночью нет покоя от этих кровопийц!

— Дедушка, — я прищурил глаза, как Шерлок Холмс, — ты ночью бил комаров?

— Ещё как! Столько их за день налетело! Весь потолок облепили!

— Отлично! — разгадка была близка. — А чем ты их бил?

— Газетой!

— Значит, твоя газета на шкафу, — заключил я. — Ты комаров на потолке бил, затем газету на шкаф положил!

Дедушка бросился в комнату и через минуту вернулся сияющий, с газетой в руках.

— Точно! Хорошая штука — дедукция! Спасибо!

Потом я решил поупражняться во дворе.

Вышел на улицу и тут же встретил Владика Гусева.

— Привет! — говорю. — Спорим на миллион, что ты идёшь из больницы! А маму твою ещё не выписали!

— Привет, — удивлённо захлопал глазами Владик. — А как ты догадался?

— Элементарно, — отвечаю. — Если бы твою маму выписали, ты бы не ходил в больницу. Логично, Ватсон?

— Логично, — согласился Владик.

— А то, что ты был в больнице, — развиваю дальше свою мысль, — можно определить, если внимательно посмотреть на твои ноги. В больничных бахилах по улице не ходят!

— Ой, правда, — захохотал Владик. — Забыл снять! Так и бегаю!

— Но это не всё, — попыхивая соломинкой, как трубкой, продолжал я. — На спине у тебя рюкзак. Значит, ты пошёл в больницу сразу после школы. Следовательно, ты ещё не обедал, — логический ход моих мыслей наконец завершился. — Айда ко мне винегрет есть!

— Айда! — обрадовался Владик. — Я ужасно голодный! Спасибо!

…После обеда мы посмотрели ещё одну серию про Шерлока Холмса, и Владик отправился к себе домой. Вскоре пришла моя мама.

— Здравствуй, сынок! — поцеловала меня мама. — А почему ты до сих пор уроки не сделал?

— Как ты узнала? — настал мой черёд удивляться.

— Элементарно! — засмеялась она. Но вместо объяснения строго добавила: — Не теряй время! Садись заниматься.

Как всё-таки она догадалась? Вроде нет никаких улик…

Да-а-а, пожалуй, Шерлоку Холмсу далеко до моей мамы!

Наш Куку

Однажды в нашем классе появился новенький по имени Ваня, а по фамилии — нарочно не придумаешь — Куку! Мы как услышали, как начали хохотать! Так и хохотали весь день. Ну и фамилия! Похлеще любой клички!

Мы по очереди спрашивали новичка: «Ты — куку?» И каждый раз он невозмутимо отвечал: «Да, я Куку». А мы: «А с виду не скажешь!» — и хохотать.

На следующий день все опять очень веселились. Причём к нам присоединились ребята из параллельного класса. На переменке они тоже наперебой интересовались у Ваньки: «Это ты — куку?» А тот и бровью не ведёт: «Да, это я Куку».

После уроков мы гурьбой вывалились из школы. Крутимся возле Куку, смеёмся и выкрикиваем песню про кукушку — мы её на пении учили: «Ку-ку! Ку-ку! Беспечно я живу! И слышно издалёка моё «Ку-ку! Ку-ку!» Умора!

«Такое надо заснять», — решил я. Достал мобильник и начал настраивать видеокамеру. Вдруг откуда ни возьмись подскочил здоровен-

ный дядька, хвать у меня из рук мобильник! И — бежать! Точнее, он собирался убежать. Но вместо этого дико завопил: «А-а-а-а!» и ещё что-то неразборчивое и грохнулся на землю. Оказывается, ему подставил подножку Ваня Куку!

А когда дядька хотел подняться, Ванька дёрнул его за ногу, и тот снова упал.

Тут подоспел полицейский — он как раз шёл мимо. Полицейский скрутил грабителя, надел наручники. Потом вызвал машину, и дядьку увезли.

Всё произошло так стремительно, что мы не успели закрыть рты, разинутые от неожиданности.

Прежде чем уехать, полицейский спросил Ваньку:

— Как твоя фамилия?

И услышал:

— Куку.

Ответ нисколько не удивил полицейского. Он крепко пожал Ваньке руку:

— Ты — молодец!

А мне сказал:

— Мобильник вернём позже. Это — вещественное доказательство.

А через неделю в школе, в актовом зале, было

всеобщее экстренное собрание.

На сцену вышли сразу трое полицейских. И самый главный из них, кажется, полковник, а может, даже генерал, объявил:

— За помощь полиции в задержании опасного преступника ученик четвёртого класса «Б» Иван Куку награждается ценным подарком — цифровым фотоаппаратом и грамотой!

Вот это да! Мы прямо обалдели. Оказывается, тот дядька совершил кучу преступлений и его давно разыскивали!

Иван выбежал на сцену. Полковник (а может, генерал) пожал ему руку и вручил награды. А нас призвал:

— Равняйтесь на вашего товарища Куку!

Все зааплодировали. Остальные полицейские и директор тоже поздравили Ивана. При этом директор провозгласил:

— Куку — гордость нашей школы!

Вечером я рассказал маме, как прославился Куку.

— Надо же, такая смешная фамилия — и такой герой! Хотя, — вдруг с удивлением обнаружил я, — вроде уже и не смешная эта фамилия…

— Понимаешь, сынок, не фамилия красит человека, а человек украшает свою фамилию. Или,

наоборот, позорит, — мама серьёзно посмотрела на меня. — Например, ты знаешь, откуда взялось слово «хулиган»?

— Конечно, знаю! Того, кто хулиганит, и называют хулиганом.

— Логично, — улыбнулась мама. — А теперь послушай: давным-давно никому и в голову не приходило называть всяческих безобразников хулиганами. Да и слова такого никто не знал. Так бы и осталось оно для нас неизвестным, если б не одна скандальная семейка, проживающая в Англии, а точнее — в Лондоне. Члены семьи носили фамилию Хулиган. Они постоянно буянили, разбойничали и устраивали драки. В общем, вели себя настолько отвратительно, что «прославились» на всю страну. И люди стали называть хулиганами уличных дебоширов. Вначале в Англии, а потом и в целом мире.

Я был потрясён:

— Ну и семейка! Ну и Хулиганы! На веки вечные нахулиганили!

— Вот что можно сделать со своей фамилией, — заключила мама.

— А вдруг наш Куку насовершает столько подвигов, что всех героев во всём мире будут называть «куку»?! — воскликнул я.

— Почему бы и нет, — пожала плечами мама.

— А если я насовершаю кучу подвигов, всех героев во всём мире станут называть по моей фамилии — «ручкины»? — у меня аж дух захватило от одной такой мысли.

— Обязательно! — кивнула мама. — А пока что не забудь получить свой мобильник в полиции. И впредь держи его крепче.

Звезда и капуста

Я включил телевизор и тут же закричал: «Ура! Филимон!» На сцене, разукрашенной цветами и воздушными шарами, пел и плясал мой любимый артист.

— Ишь, какой голосистый. — Бабушка оторвалась от книжки с интригующим названием «Всего ли тебе хватает?» и внимательно посмотрела на Филимона. — Только уж больно дёргается. Сразу видно — нервный.

— Да это песня такая! Любой задёргается! — заступился я за своего кумира.

— А чего он её поёт? Нормальный человек не выбрал бы такую песню. Значит, нервный! — веско сказала бабушка. — Твоему Филимону явно не хватает магния и витаминов группы В! Гречки нужно побольше есть! И гороха!

Тут Филимона показали крупным планом, и бабушка воскликнула:

— А бледненький-то какой! Малокровный! Железом его тоже надо подкормить!

— По телевизору все бледные, — возразил я.

Но бабушка стояла на своём:

— Не знаю, как всем, а ему железо позарез нужно! И побольше!

В конце песни Филимон рухнул на колени и протянул руки к зрителям. В том числе и к нам, разумеется.

— Он совсем ослаб! На ногах не держится! — запричитала бабушка. — Налицо недостаток витамина С! Вот к чему приводит неправильное питание!

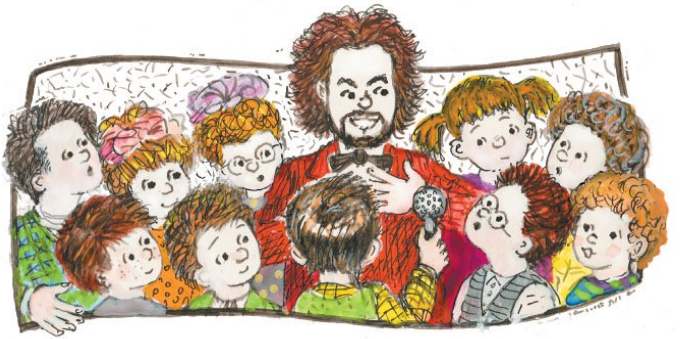
— А что нужно есть, чтоб всего хватало? — не на шутку встревожился я.

— Можешь почитать, — бабушка протянула мне свою книжку. — Очень познавательно.

На этом концерт и закончился.

На следующий день в школе меня ждал потрясающий сюрприз: к нам приезжает сам Филимон по случаю Дня рождения школы! Оказывается, он здесь учился!

Мы еле высидели до конца занятий и — скорее в актовый зал. А там — красотища! Сцена украшена воздушными шарами! Мигают разноцветные лампочки! Всюду цветы! Ну совсем как вчера по телевизору. И Филимон выступал точно так же, как по телевизору: пел с неподражаемым завыванием, скакал, дёргался и время от времени падал на колени.



Мы с восхищением смотрели на знаменитого артиста и бешено аплодировали.

А когда концерт закончился, мы начали скандировать: «Фи-ли-мон! Е-щё!»

Филимон спел дополнительную песню, потом прижал руки к сердцу и растроганно произнёс:

— Спасибо, друзья! А теперь я буду отвечать на ваши вопросы! Задавайте, пожалуйста!

Девчонки немедленно стали писать записки. Причём некоторые — вовсе без вопросов. Например, Алиса Трякилева — она сидела рядом

со мной, и я всё видел — отправила артисту вот такое зашифрованное послание:

Я, конечно, сразу догадался, что это означает: «Я люблю Филимона». И подпись: «Алиса Трякилева».

А Владик Гусев прямо с места спросил:

— Уважаемый Филимон! Страдаете ли вы звёздной болезнью?

— Хоть я и звезда, — скромно улыбнулся Филимон, — звёздной болезни у меня нет! Как, впрочем, и других болезней. Потому что я веду здоровый образ жизни!

Все зааплодировали. А я понял, что настал мой черёд задавать вопросы. Спросить певца мне нужно было о многом.

Я встал и сказал:

— Уважаемый Филимон, почему вы не едите гречку, отруби, горох и молочные продукты?

— С чего ты взял? — удивился Филимон. — Всё

вышеназванное я весьма уважаю. А простоквашу каждое утро обязательно пью!

— Значит, мало! — я укоризненно покачал головой. — Очень уж вы дёргаетесь, когда поёте — нервишки пошаливают! Потому что вам не хватает витаминов группы В и магния! А я за вас переживаю!

— Сам и ешь магний, — захихикал Петька Редькин, повернувшись ко мне.

А Филимон натянуто засмеялся:

— Это же сценический образ! Имидж!

— И с железом у вас дела обстоят неважнецки, — продолжал я. — Почему вы не употребляете шпинат, петрушку, антоновку и орехи? Из-за этого вы бледный, как шампиньон!

— Чего ты выдумываешь! — разволновался Филимон. — Я специально пудрюсь перед выступлением! А различные продукты с железом очень даже люблю! И семечки всегда грызу в антракте!

— Ну уж про витамин С вы точно забываете, — не сдавался я. — Капусту не едите! Вон как валитесь на пол почти после каждой песни. Это упадок сил!

— Не упадок сил, а сценический образ! Тебе же объяснили! — возмутилась влюблённая Трякилева. И некоторые ребята подхватили: — Имидж!

Образ!

— Правильно! Молодец, девочка! — артист благодарно кивнул закрасневшейся Алиске. Но мне всё же ответил:

— Не беспокойся, дружок! С витамином С у меня полный порядок. И лимоны ем и чёрную смородину. Капусту на зиму заквасил. Два бочонка!

Все опять зааплодировали. А Трякилева радостно крикнула:

— Мы тоже заквасили капусту!

— И мы заквасили! — раздались голоса со всех сторон.

После этого Филимон раскланялся и уехал.

Прошло некоторое время. Сижу я, делаю уроки. Вдруг бабушка зовёт меня на кухню:

— Иди скорей! Твой Филимон поёт!

Прибегаю, и точно: по телевизору выступает Филимон.

— Гляди-ка, — заметила бабушка, — перестал дёргаться! И без чувств не падает! И вид у него гораздо лучше!

— Значит, Филимон изменил сценический образ. Имидж, — объяснил я.

— Да брось ты! — махнула рукой бабушка. — Просто гречку и капусту стал есть!

М. Зощенко
Самое главное

Рис. Е. Муратовой

Жил на свете мальчик Андрюша Рыженький. Это был трусливый мальчик. Он всего боялся. Он боялся собак, коров, гусей, мышей, пауков и даже петухов.

Но наибольше всего он боялся чужих мальчишек.

И мама этого мальчика очень и очень грустила, что у неё такой трусливый сынок.

В одно прекрасное утро мама этого мальчика сказала ему:

— Ах, как плохо, что ты всего боишься. Только храбрые люди хорошо живут на свете. Только они побеждают врагов, тушат пожары и отважно летают на самолётах. И за это все любят храбрых людей. И все их уважают. Дарят им подарки и дают ордена и медали. А трусливых никто не любит. Над ними смеются и потешаются. И от этого у них жизнь бывает плохая, скучная и неинтересная.

Мальчик Андрюша так ответил своей маме:

— С этих пор, мама, я решил быть храбрым человеком.

И с этими словами Андрюша пошёл во двор погулять.

А во дворе мальчишки играли в футбол.

Мальчишки эти обыкновенно задирали Андрюшу. И он их боялся как огня. И всегда от них убегал. Но сегодня он не убежал. Он крикнул им:

— Эй вы, мальчишки! Сегодня я не боюсь вас!

Мальчики удивились, что Андрюша так смело им крикнул. И даже они немножко испугались. И даже один из них, Санька Палочкин, сказал:

— Сегодня Андрюшка Рыженький что-то заду-

мал против нас. Давайте лучше уйдём, а то нам, пожалуй, попадёт от него.

Но мальчики не ушли. Наоборот. Они подбежали к Андрюше и стали его задевать. Один дёрнул Андрюшу за нос. Другой сбил ему кепку с головы. Третий мальчик ткнул Андрюшу кулаком. Короче говоря, они немножко побили Андрюшу. И тот с рёвом вернулся домой.

И дома, утирая слёзы, Андрюша сказал маме:

— Мама, я сегодня был храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Недостаточно быть только храбрым, надо быть ещё сильным. Одной храбростью ничего нельзя сделать.

И тогда Андрюша незаметно от мамы взял бабушкину палку и с этой палкой пошёл на двор. Подумал: «Вот теперь я буду сильней, чем обычно. Теперь я разгоню мальчишек в разные стороны, если они на меня нападут».

Андрюша вышел с палкой на двор. А во дворе мальчишек уже не было. Там гуляла чёрная собака, которую Андрюша всегда боялся.

Размахивая палкой, Андрюша сказал этой собаке:

— Попробуй только, залай на меня — получишь по заслугам. Узнаешь, что такое палка, когда она прогуляется по твоей голове.

Собака начала лаять и бросаться на Андрюшу.

Размахивая своей палкой, Андрюша раза два ударил собаку по голове, но та забежала сзади и немного порвала Андрюшины штаны.

И Андрюша с рёвом побежал домой. А дома, утирая слёзы, он сказал своей маме:

— Мама, как же это так? Я сегодня был сильный и храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось. Собака разорвала мои штаны и чуть не

укусила меня.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Я забыла тебе сказать. Недостаточно быть храбрым и сильным. Надо ещё быть умным. Ты же поступил глупо. Ты размахивал палкой. И этим рассердил собаку. Ты сам виноват. Надо немножко думать и соображать. Надо иметь смекалку.

Тогда Андрюша Рыженький в третий раз вышел погулять. Но во дворе уже не было собаки. И мальчишек тоже не было.

И тогда Андрюша вышел на улицу, чтобы посмотреть, где мальчики.

А мальчики купались в реке. И Андрюша стал смотреть, как они купаются.

И в этот момент один мальчик, Саня Палочкин, захлебнулся в воде и стал кричать, чтоб его спасли.

Мальчики испугались, что он тонет, и побежали звать взрослых.

Андрюша хотел броситься в воду, чтобы спасти Саню Палочкина. И уже подбежал к берегу. Но тут он подумал: «Нет, я плохо плаваю, и у меня не хватит сил спасти Саньку. Я поступлю умней: я сяду в лодку и на лодке подплыву к нему».

А у самого берега стояла рыбацкая лодка. Ан-

дрюша оттолкнул эту тяжёлую лодку от берега и сам вскочил в неё.

А в воде лежали вёсла. Андрюша стал бить этими вёслами по воде. Но у него ничего не вышло — он не умел грести. И течение отнесло рыбацкую лодку на середину реки.

И Андрюша от страха стал кричать.

А в этот момент по реке плыла другая лодка. И в ней сидели рыбаки.

Эти рыбаки спасли Саню Палочкина. И кроме того, они догнали Андрюшину лодку, взяли её на буксир и доставили к берегу.

Андрюша пошёл домой и дома, утирая слёзы, сказал своей маме:

— Мама, я сегодня был храбрый — я хотел спасти мальчика. Я сегодня был умный, потому что не бросился в воду, а поплыл в лодке. Я сегодня был сильный, потому что оттолкнул тяжёлую лодку от берега и тяжёлыми вёслами колотил по воде. Но снова ничего хорошего у меня не получилось.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Я забыла сказать тебе самое главное. Недостаточно быть храбрым, умным и сильным. Это слишком мало. Надо ещё иметь знания. Надо уметь грести, уметь плавать, ездить

верхом на лошади, летать на самолёте. Надо многое знать. Надо знать арифметику и алгебру, химию и геометрию. А для того чтобы это всё знать, надо учиться. Кто учится, тот бывает умный. А кто умный, тот должен быть храбрым. А храбрых и умных все любят, потому что они побеждают врагов, тушат пожары, спасают людей и летают на самолётах.

Андрюша сказал:

— С этих пор я буду всему учиться.

И мама сказала:

— Вот и хорошо.

Не надо врать
(Из цикла «Лёля и Минька»)

Я учился очень давно. Тогда ещё были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл — от пятёрки до единицы включительно.

А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в приготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я ничего ещё не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение:

Весело сияет месяц над селом,

Белый снег сверкает синим огоньком...

А я этого стихотворения не выучил. Я не слышал, что сказал учитель. Я не слышал потому, что мальчики, которые сидели позади, то шлёпали меня книгой по затылку, то мазали мне ухо чернилами, то дёргали меня за волосы и, когда

я от неожиданности вскакивал, подкладывали под меня карандаш или вставочку. И по этой причине я сидел в классе перепуганный и даже обалдевший и всё время прислушивался, что ещё замыслили против меня сидевшие позади мальчики.

М.Ю. Лермонтов
А.С. Пушкин
Словарь
Западное полушарие
Восточное полушарие

А на другой день учитель, как назло, вызвал меня и велел прочитать наизусть заданное стихотворение.

А я не только не знал его, но даже и не подозревал, что на свете есть такие стихотворения. Но от робости я не посмел сказать учителю, что не знаю этих стихов. И совершенно ошеломлённый стоял за своей партой, не произнося ни слова.

Но тут мальчишки стали подсказывать мне эти стихи. И благодаря этому я стал лепетать то, что они мне шептали.

А в это время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

Ещё первые строчки я кое-как произнёс. Но когда дело дошло до фразы: «Крест под облаками как свеча горит», я сказал: «Треск под сапогами как свеча болит».

Тут раздался хохот среди учеников. И учитель тоже засмеялся. Он сказал:

— А ну-ка, дай сюда свой дневник! Я тебе туда единицу поставлю.

И я заплакал, потому что это была моя первая единица и я ещё не знал, что за это бывает.

После уроков моя сестрёнка Лёля зашла за мной, чтобы вместе идти домой.

По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал Лёле:

— Лёля, погляди, что это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение «Весело сияет месяц над селом».

Лёля поглядела и засмеялась. Она сказала:

— Минька, это плохо! Это тебе учитель влепил единицу по русскому языку. Это до того плохо, что я сомневаюсь, что папа тебе подарит фотографический аппаратик к твоим именинам, которые будут через две недели.

Я сказал:

— А что же делать?

Лёля сказала:

— Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своём дневнике, там, где у неё была единица. Её папа послюнил пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было.

Я сказал:

— Лёля, это нехорошо — обманывать родителей!

Лёля засмеялась и пошла домой. А я в грустном настроении зашёл в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом глядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошёл домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад. Но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

Я пришёл домой и сказал отцу, что потерял свой дневник. И Лёля засмеялась и подмигнула мне, когда услышала эти мои слова.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, ещё более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду и так рассердился, что бросил этот дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник.

Иван Никитин
тетрадь
Николаев
Русская речь

Когда я встретился с Лёлей после уроков, она мне сказала:

— Это не будет враньё, если мы временно заклеим страницу. И через неделю после твоих именин, когда ты получишь фотоаппаратик, мы отклеим её и покажем папе, что там было.

Мне очень хотелось получить фотографический аппарат, и я с Лёлей заклеил уголки злополучной страницы дневника.

Вечером папа сказал:

— Ну-ка, покажи свой дневник! Интересно знать, не нахватал ли ты единиц?

Папа стал смотреть дневник, но ничего плохого там не увидел, потому что страница была заклеена.

И когда папа рассматривал мой дневник, на лестнице вдруг кто-то позвонил.

Пришла какая-то женщина и сказала:

— На днях я гуляла в городском саду и там на скамейке нашла дневник. По фамилии я узнала адрес и вот принесла его вам, чтобы вы сказали, не потерял ли этот дневник ваш сын.

Папа посмотрел дневник и, увидев там единицу, всё понял.

Он не стал на меня кричать. Он только тихо сказал:

— Люди, которые идут на враньё и обман, смешны и комичны, потому что рано или поздно их враньё всегда обнаружится. И не было на свете случая, чтоб что-нибудь из вранья осталось неизвестным.

Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов.

Я сказал:

— Вот что: ещё один мой, третий, дневник с единицей я бросил в школе за книжный шкаф.

Вместо того чтоб на меня рассердиться ещё больше, папа улыбнулся и просиял. Он схватил меня на руки и стал меня целовать.

ТЕТРАДЬ

Он сказал:

— То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что могло долгое время остаться неизвестным. И это мне даёт надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю фотоаппаратик.

Когда Лёля услышала эти слова, она подумала, что папа свихнулся в своём уме и теперь всем дарит подарки не за пятёрки, а за единицы.

И тогда Лёля подошла к папе и сказала:

— Папочка, я тоже сегодня получила двойку по физике, потому что не выучила урока.

Но ожидания Лёли не оправдались. Папа рассердился на неё, выгнал её из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книги.

И вот вечером, когда мы ложились спать, неожиданно раздался звонок.

Это к папе пришёл мой учитель. И сказал ему:

— Сегодня у нас в классе была уборка, и за книжным шкафом мы нашли дневник вашего сына. Как вам нравится этот маленький врун и обманщик, бросивший свой дневник, с тем чтобы вы его не увидели?

Папа сказал:

— Об этом дневнике я уже лично слышал от моего сына. Он сам признался мне в этом по-

ступке. Так что нет причин думать, что мой сын неисправимый врун и обманщик.

Учитель сказал папе:

— Ах, вот как. Вы уже знаете об этом. В таком случае — это недоразумение. Извините. Покойной ночи.

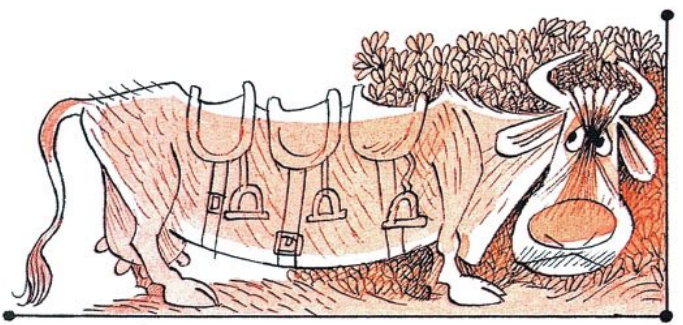
И я, лёжа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду.

И я действительно так всегда и теперь поступаю.

Ах, это иногда бывает очень трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно.

Э. Успенский
(Из повести «Меховой интернат»)
Глава вторая
Меховые интернатники

Рис. В. Чижикова



В электричке Люся волновалась и листала учебник. Ещё бы — учительница едет. И вдруг она поняла, что беличья модная меховая шапка не очень-то понравится интернатникам. Она запихнула шапку в пластмассовый пакет для тапочек

и вышла из электрички на пустую платформу.

Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной… И одинокостью.

На дороге к дачному посёлку всё было по-другому. Не как летом. Никто никуда не спешил с авоськами и портфелями. Никого не встречали шумные разнокалиберные дети. Не было скакальных девочек. Не мотались во все стороны мальчики на велосипедах и на мотоциклах. Тишь да осень.

Одна чёрная бородатая коза пыталась съесть или прочесть объявление на заборе. Люся подошла и прочитала: «Продаётся трёхместная… новая… породистая…»

А дальше коза откусила. Самое интересное. Что продаётся? Дача? Корова? Но разве бывают породистые дачи? Или трёхместные коровы? Тем более новые?

…Ворота дачного посёлка были распахнуты. Сам посёлок пуст. Люся с аристократической фамилией заволновалась. На месте ли достойные интернатники? Ждёт ли её меховой механик Мехмех? Найдётся ли для неё порция свежевымытой картошки? Или кругляшок засахаренной свёклы? Или всё это привиделось ей в прошлое

предсентябрьское воскресенье?

Слава богу, всё было в порядке. Барсуковый директор встречал её у калитки. На этот раз он имел явно директорский вид. Он был в пиджаке и в шляпе с украшениями. Скорее всего, эту шляпу с цветочками забыла на скамейке какая-нибудь легкомысленная пенсионерка. А куриным пером её украсил сам Мехмех. Но так или иначе, она явно прибавила ему элегантности. Не на всякой помойке найдёшь такую штуку.

— Здравствуйте, уважаемая девочка! Ваши ученики ждут вас.

— Здравствуйте, Меховой Механик.

— Не надо церемоний. Зовите меня просто дир! Ваш урок начинается через десять минут. Идёмте, я вам дам чашку картофельного кофе и ознакомлю с Главным Бумажным Получальником.

Люся вошла за ним в отдельный домик, в директорскую, и строго стала пить по глоточку что-то помоечное из чашки.

— Вот. Это Бумажный Получальник. Вы умеете им пользоваться?

— Я видела такие, — уклончиво ответила Люся.

Потому что этот бумажный наполовину чальник явно напоминал классный журнал.

— Здесь стоят получалки для учеников. Ваша страница — письмо и поведение. Вверху три пятёрки, три четвёрки, три тройки. И две двойки. Когда интернатник вам отвечает, вы вписывайте его фамилию в графу. К пятёрке, четвёрке или тройке. К двойкам лучше не вписывать. Но тоже можно.

— А не проще ли наоборот? Написать фамилии интернатников, а отвечалки ставить напротив фамилий?

— Не отвечалки, а получалки. У нас раньше так и было. Но это портит успеваемость и отвечаемость, — объяснил директор. — Всегда можно поставить лишнюю двойку или пару троек. Они сразу снизят уровень показателей. А так норма отметок выполнена, раз и навсегда. Остаётся только вписывать фамилии отвечателей.

— А много у вас преподавателей, уважаемый Механик?

— Зовите меня просто дир. Что значит директор.

— А много у вас преподавателей, уважаемый дир?

— Нет. Двое. Я и вы. Я не стремлюсь к увеличению преподавательского состава. Больше зарплаты достанется оставшимся.

Меховой Механик посмотрел на часы:

— Всё. Пора включать начинальник.

Он потянул шарик, висящий над столом на верёвочке, и над дачным посёлком поплыл густой пароходно-электрический гудок.

— Пойдёмте, сударыня Люся.

— Пойдёмте.

Главный Бумажный Получальник она несла в руках. Из-за двери класса слышался просто жуткий шум и гам. Как только двери открылись, Люся Брюкина увидела всех своих подопечных. Они были такими, какими она видела их на фотографии. Большие глазастые меховые звери на задних лапах в небольшом количестве одежды.

Ученики сразу затихли. Взялись за крышки парт и все, как один, сделали стойку на передних лапах. Мехмех взглянул на большие ручные часы.

— Почему они так странно вас приветствуют? — спросила Люся.

— Моё изобретение. Во-первых, собирает и разгоняет сон. Во-вторых, выдаёт тех, кто жуёт мухоморы или бычки. Они сразу блюмкаются. В-третьих, будит уважение.

Минутная стрелка сделала круг на часах, и Мехмех сказал:

— Блюм!

Звери радостно всем классом бухнулись на лапы и сели на скамейки за парты. Все, кроме одного. Большущий тушканчик по-прежнему стоял на передних лапах на парте.

— Так и есть! — сказал директор. — Наокуркился. Дачники оставили много окурков на участках, вот интернатники и жуют их. А потом дуреют. Живут как в тумане.

Он подошёл к замершему ученику:

— Кара-Кусек, пройдите ко мне в кабинет.

Кара-Кусек осовело блюмкнулся на пол.

Меховой директор взял за лапу мехового жевальщика окурков и повёл его.

— Вы занимайтесь с ними. Знакомьтесь. Их фамилии написаны вот здесь. — Он показал обложку Получальника.

Дверь захлопнулась, и Люся осталась с учениками одна.

Они вовсю таращили на неё глаза. А она на них.

На обложке Большого Бумажного Получальника был нарисован план класса. Один стол учителя и сдвоенные столы учеников.

План был такой:

БИБИ-МОКИ, нац. муравьед.	БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ, нац. бурундук.	КАРА-КУСЕК, нац. тушканчик.	СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА, нац. горностай.
СЕВА БОБРОВ, нац. бобр.	ФЬЮ АЛЫЙ ЯЗЫЧОК, нац. ласка.	ЦОКИ-ЦОКИ, нац. белка.	УСТИН, ЛЕТЯЩИЙ В ОБЛАКАХ, нац. волк.
ИГЛОССКИ нац. ёж.			

СТОЛ УЧИТЕЛЯ

— Милые интернатники! — сказала Люся. — Давайте знакомиться. Меня зовут Люся. Я буду у вас учительница. Я учусь в четвёртом классе. Я буду преподавать вам поведение и письмо. Сейчас вы покажете мне, что вы умеете. Это сделает Сева Бобров.

Со второй парты поднялся улыбчивый Сева Бобров и заявил басистым голосом:

— Я умею перепиливать чурки.

Он взял дровёшко на полу около печки и в момент перегрыз его большущими зубами.

— Вот, — показал он Люсе два огрызка.

Люся никак не могла понять, к чему относится столь блистательное владение зубами — к письму или к поведению.

— А теперь вы возьмите мел и напишите своё имя и фамилию.

Бобрёнок подошёл к доске и довольно уверенно написал:

БАБ РОВ СЕ ВА.

— Хорошо, — сказала Люся. — А скажите, пожалуйста, что вы возьмёте с собой, если вы идёте в гости?

— В гости? — обрадовался Сева.

— Да, в гости. Причём к новым знакомым.

Юный интернатник подумал и уверенно ответил:

— Репу.

— Репу?! — удивилась Люся. — Нет. Это что-то другое. Они растут на клумбах… Бывают разного цвета…

Сева сразу догадался:

— Я всё понял. Если я пойду в гости, я возьму кормовую брюкву.

— Отлично, — сдалась Люся, — продолжаем знакомиться.

Ликующий Се-Ва Баб-Ров утянулся за свою парту. Он так и сиял радостью за свои ответы.

— Сейчас напишет своё имя интернатница… Фю… Фью… Алый Язычок, — продолжила Люся. — Странное какое-то имя.

Сева Бобров снова встал из-за парты:

— Можно, я скажу?

— Да, Сева.

— Её зовут Фью-алка или Свись-алка.

— Почему Свись-алка? Она свисает откуда-нибудь?

Интернатники засмеялись. Развеселились. Сначала тихо, потом сильнее.

— Она ниоткуда не свисает. Просто у неё такое имя, что надо сначала свистнуть, а потом пока-

зать что-нибудь красное. Например, язык. Это по-нашему, по-меховому.

— Спасибо, Сева. Это очень красивое имя, Фьюалка. У нас есть такие цветы — фиалки. Я их очень люблю. Прошу вас сюда.

Она жестом пригласила ученицу отвечать. Сверкнула лаковая молния, и ласка оказалась перед столом. Будто кто-то выключил её изображение за партой и включил его уже здесь, у доски. Она стояла, нервно перебрасывая лапками мел.

— Напишите своё имя.

Лаковая молния, секунду поколебавшись, написала:

ФИАЛКА.

Люся спросила:

— А что вы возьмёте, если пойдёте в дом к новым знакомым?

— Я возьму книги.

Дверь распахнулась, и вошёл дир. Он держал большой чёрный поднос с капустными кочерыжками.

— Перерыв! Перерыв! — сказал он. На нём был белый передник и белый колпак. Видно, он всерьёз экономил хендрики и был ещё и буфетчиком при интернате. — Не перегружайте детёнышей,

пожалуйста. Устройте им игры на свежем кислороде.

Интернатники оживились и задвигались. Лаковая молния выключилась у доски и включилась за партой. (Так быстро она перемещалась.)

— Хорошо. Только я закончу урок! — строго сказала Люся. — Дорогие интернатники! Если вы идёте в гости в какой-нибудь дом и идёте в первый раз, вы должны взять с собой цветы.

Пауза.

— Не книги. Не репу с брюквой. И даже не дрова. А, я подчёркиваю, ЦВЕТЫ.

Подчёркивать Люся научилась у папы. Папа всегда говорил очень умные вещи и самое умное постоянно подчёркивал.

— А теперь перерыв!

Счастливые интернатники с кочерыжками в зубах высыпали на траву. Причём практически бесшумно. Не топали ботинки, не стучали когти.

— Во что будем играть? — спросила учительница Люся.

— В толкалки! В толкалки! — кричали зверёныши.

— В сшибалки!

— В валилки!

— Что это за игры? — спросила Люся у Всеволода

Боброва. — Что надо делать? И кто выигрывает?

— Надо толкаться, пока все не повалятся, — объяснил Сева. — Кто упал последний, тот победил.

— Хорошо, — начальническим голосом сказала Люся. — Играем в валилки. Приготовились.

Старшие интернатники приняли борцовскую стойку. Мелкота побежала хвататься за деревья.

— Готовы? — спросила Люся.

— Готовы…

— Раз. Два. Три… Начали!

И закипела меховая поляна. Ученики хватали друг друга за лапы, за шею, за что попало и валили на землю.

Малышня висла на больших гроздьями. Большие шатались, ходили обвешанные мелкотой и шлёпались. Кто свалился, на лапы не вставал. Подползал к другим упирающимся и вис на них.

adas

Скоро все попадали. Остался на ногах один большой муравьед. Он ходил, весь обвешанный мелкотой, и пошатывался. Но держался. Вдруг белоснежный горностай прямо с земли сделал прыжок. И свалился ему на голову. Прыжок был такой, что часть горностая была ещё видна на поляне, на траве, а часть уже подлетала к муравьеду. Муравьед рухнул. И все радостно завопили:

— Биби-Моки! Биби-Моки!

— Что значит «биби-моки»? — спросила учительница Люся у щекастого Севы.

— Это имя такое. Значит Большая Биби.

Над посёлком разнёсся рёв начинальника. Интернатники кинулись в класс. Люся вошла последней. Как только она переступила порог, все сделали стойку на лапах. Люся сказала:

— Блюм!

И они блюмкнулись.

— Кара-Кусек, к доске.

Тушканчик в джинсовой жилетке вышел из-за парты и сделал прыжок через всю комнату. По дороге он перевернулся и шлёпнулся у доски уже лицом к классу. Люся не знала — так это положено ему или это хулиганство. От того, кто жуёт дачные окурки, всего можно ожидать.

Но класс не насторожился. Значит, всё в норме.

Вряд ли Кара-Кусек после беседы с директором станет ещё хулиганить и напрашиваться. Он стоял у доски и грыз мел.

— Напишите, пожалуйста, своё имя.

Тушканчик написал правильно:

КАРА-КУСЕК.

— Теперь просклоняйте его по падежам.

Кара-Кусек принялся склонять. Он говорил и писал:

— Именительный — кто? что? Кара-Кусек. Родительный — кого? чего? кого нет? Кара-Кусека. Дательный — кому? чему? Кара-Кусеку…

Он дописал до предложного падежа и пригото-

вился скакнуть на свое место.

— Нет, нет, — остановила его Люся. — Вы куда? Куда? Склоняем дальше.

— Склоняем дальше, — согласился интернатник. — Слово «куда». Именительный: куда. Родительный — кого? чего? кого нет? Куды. Дательный — кому дадим конфетку? Куде…

Он просклонял эту «куду» до конца.

Люся была настолько потрясена таким склонением по падежам, что не могла сделать ни одного замечания.

Тогда она задала свой гостевой вопрос:

— А что вы возьмёте, если пойдёте в гости к новым знакомым?

— Цветы! Цветы! — засуетилась белочка с первой парты. Это она так подсказывала.

Люся строго посмотрела на неё. Но Кара-Кусек не нуждался в подсказке.

— Капусту. Три кочана, — сказал он уверенно.

— А если я не люблю капусты?

— Мы сами съедим. Чтобы она не пропадала.

— Кто мы?

— Иглосски и ещё Биби-Моки.

Люся поняла, что она со своими цветами бессильна против вкусной капусты Кара-Кусека. И она уступила.

— Вы свободны, Кара-Кусек.

Жилеточный тушканчик сделал прыжок через весь класс. В воздухе он перевернулся и приземлился прямо на парту.

Люсе очень нравился искрящийся белизной горностай, сосед Кара-Кусека. Она заглянула в Получальник:

— К доске пойдёт Снежная Королева.

Горностай белым призраком скользнул вперёд. Встал, нервно подбрасывая кусочек мела.

— Напишите, пожалуйста, такое предложение: «Снежная Королева любит танцевать».

Горностай написал:

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

НЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ.

— Хорошо! — сказала Люся. Потому что ошибок не было. Хотя она совсем не знала, как к этому относиться. — Напишите ещё: «Вчера Снежная Королева играла с маленькой сестрёнкой».

Горностай молча повернулся и опять написал не то:

ВЧЕРА СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ВЫСЛЕЖИВАЛ ТЕМНОТЮРА.

Весь класс вздрогнул.

— Я же просила вас написать, что вы играли с маленькой сестрёнкой.

— Я не играл с маленькой сестрёнкой, — возразил горностай. — У меня нет сестрёнки.

Люся хотела разузнать — кто такой Темнотюр и почему класс его боится? Но не стала, а повела урок дальше.

— Напишите вот что: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

Тут Сева Бобров поднялся. Он был взволнован:

— Как же он может написать, что желтеют одуванчики, когда они завяли? Они ж не желтеют. И солнце совсем не «очень яркое». А так себе солнце.

Хулиганистый Кара-Кусек закричал с места:

— Осень же! Осень на дворе! Вы что?!

Разгорался скандал. Хорошо, что вошёл дир с очередным подносом. С очищенной картошкой в этот раз.

— Всё! Всё! На сегодня хватит! Перерыв!

Меховой поток бесшумно смыл его и скрылся на лужайке. Поднос опустел.

— Пройдёмте ко мне в кабинет, девочка Люся. Надо оценить первый день работы.

Они сидели в директорском доме. Солидно пили из чашек что-то непонятное: то ли карто-

фельный чай, то ли помидоровый кофе.

— Как прошли ваши уроки?

— Хорошо, — ответила Люся. — Но под конец они взбунтовались.

От удивления дир даже встал из-за стола:

— Как так?

— Надо было написать предложение: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики». А они отказались.

Дир посмотрел в окно:

— А разве они желтеют? Да и солнце не очень яркое…

Потом он спохватился:

— Я вам объясню, в чём дело. У наших интернатников плохо обстоят дела с обманизмом.

— С чем? — спросила Люся. Теперь она оторопела.

— С обманизмом. Они обманывать не умеют. Всегда говорят правду. Мы даже в интернатскую программу такой предмет ввести хотели — обманизм… сочинизм. Но преподавателя найти не можем. Кстати, вы не могли бы взяться?

— Нет, — ответила Люся. — Это не для меня.

— Может, вы кого-нибудь порекомендуете?

— Я подумаю. Это очень сложное дело — обманизм. Нас всегда учили говорить правду.

— Но не врагам, — возразил Мехмех. — А наши малыши даже охотнику Темнотюру правду скажут. Он их спросит: «Где ваши старшие?» Они ответят: «Их нет. Матушка Соня в ночевальне спит. А Меховой Механик в тоннельный склад ушёл». После этого сажай их в мешок. И неси на живодёрню. Люся, вы же не станете врагам правду говорить?

И Люся представила себе, как гуляет она, допустим, где-то в районе Кутузовского проспекта, около секретного завода. И подходит к ней чужеземный шпион, замаскированный под нашего крестьянина: в лаптях, с кинокамерой на боку и с сигарой во рту. И спрашивает:

«Ускажите умне, уза уэтим узабором учто уделают? Увоенные бомбардировщики БУХ-38?»

И как она ему сразу ответит:

«Уничего уподобного. Уза уэтим узабором корытная фабрика находится. Там корыта изготовляют для сельской местности».

«А упочему там пушки стреляют и пулемёты строчат?»

«А потому, что корыта на прочность испытывают».

Это же будет ложь! Потому что весь микрорайон давным-давно в курсе, что за этим забором выпускают не корыта, а трёхдверный перехватчик с десятью моторами. Вертикального взлёта с любой железнодорожной платформы.

— Мне не хочется раздувать штаты, — продолжал Мехмех. — Мы с вами хорошо сработались. Но если вы не можете сами, подумайте о ком-нибудь другом.

Люся сразу подумала про Киру Тарасову.

Междуглавие второе
Разные размышления и события в школе

Всем была хороша Кира Тарасова. И юбочкой, и глазами, и очками серебряными. Но врушка она была коллекционная.

— Вчера у моей мамы был день рождения. Её лично Дед Мороз поздравил и группа товарищей. Ей большую медаль вручили из золота. Только она её в метро на эскалаторе забыла. А пластмассовый пакет от медали остался. На нём Мишка олимпийский нарисован.

— У нас два дня космонавты жили. Титов и Кубасов. Кубасов — он моему папе брат. Они ванну принимали в скафандрах.

— Как в скафандрах? В скафандрах в воду лазили? Так они же сухие оставались тогда. Ведь скафандры воду не пропускают.

— Нет, вы не поняли. Они не в ванну в скафандрах лазили. Они в скафандрах ванну принимали. То есть тёплую воду в скафандр наливали и ходили. Получается стоячая ванна. И сразу физ-

культура. Потому что в такой ванне по квартире походишь — сразу нагрузка. И проверка для костюма космического. Не протекает ли где.

— У моей бабушки в деревне ручной медведь живёт. Она его в телегу запрягает. Он её возит. И квас в сельпо доставляет. А сейчас зима. Он под бабушкиной кроватью спит. Весной его разбудят. Со всего района будильники соберут. Поедете к нам в деревню, сами увидите.

— А где деревня? Далеко?

— Под Кисловодском.

— Но там же медведи не водятся.

— Это раньше не водились. Сейчас водятся. Там целая медвежья ферма есть. Там медведей для цирка разводят. Как кроликов.

С Кирой Тарасовой Люся и решила поговорить насчёт обманизма. Но тут вышла осечка. Кира учительницей быть соглашалась, но врушкой себя не признавала.

— Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный правдизм преподавать, то есть неврунизм.

— Им не нужен неврунизм, — рассказывала Люся. Она сегодня специально села за Кирин стол. Кира настолько завралась, что сидела одна. Её вранья никто не выдерживал. — Этим интернатникам нужен обманизм. А то они на живодёрню попадут. Из-за своей честности.

— Как так на живодёрню?

— А так, придёт охотник и спросит: «Где ваши старшие?» Они честно ответят: «Никого нет дома. Мы одни сидим». Бери этих малышей и сажай в мешок. А надо, чтобы они умели хоть немного соврать. Придёт охотник с мешком и спросит: «Где ваши старшие?» — «Да нигде. Дедушка барсук на веранде сидит, пулемёт перебирает. Бабушка Соня на кухне с милицией чай пьёт. И две де-

вочки-учительницы в саду волшебную дубинку испытывают».

— Ты и преподавай свой обманизм, — сказала Кира. — У тебя хорошо получается.

К девочкам подошла учительница. Она посмотрела Люсину тетрадь, потом Кирину.

— Тарасова, — спросила она, — ты почему не выполнила домашнее задание?

— Понимаете, Ирина Вадимовна, у меня папу в армию забрали. В парашютные войска. И мы с мамой всю ночь ему спортивную форму шили.

— Как форму? Твой же папа уже был в армии. Давно.

— А его снова позвали. Уже начальником. Потому что он хорошо прыгал. Без него не справляются. Всё разладилось. Мы ему лампасы на джинсы пришивали. А бабушка парашют вязала на спицах.

Ирина Вадимовна даже растерялась. Ничего себе новости! Оказывается, теперь парашюты на спицах вяжут! А сорокалетние снова в армию идут.

— Бедная девочка! — погладила она Киру по голове.

А когда Ирина Вадимовна отошла, Кира сказала:

— Я не бедная! У нас квартира на двадцать восемь комнат. И дядя из Швейцарии ящик с магнитофонами прислал. Он там всемирный конгресс водопроводчиков проводит. Ну что, берёшь меня правдизм преподавать?

— Ни в коем случае.

— Тогда я всем про тебя расскажу. И про твоих интернатников.

— Нельзя. Про них нельзя говорить.

— А я вот расскажу. Ребята, ребята! — зашептала она голосом диктора Центрального телевидения. — Наша Брюка в загородном парке учительницей работает. Зверям русский язык преподаёт. И поведение.

Упитанный Игорь Трофимов и ехидноглазый Спальников немедленно повернулись на шёпот, придвинулась и тростиночноногая Катя Лушина.

— Прошу поподробнее, — попросил Игорь. — Каким зверям? Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам? Какой язык — устный или письменный?

Таких подробностей Кира не знала.

— А откуда тебе это известно? — спросила Катя Лушина. — Про Брюкину?

— Она меня туда звала. Приглашала.

— Снова прошу поподробнее, — съехидничал Трофимов. — Приглашала в качестве кого? В качестве хищника? Парнокопытного? Человекообразного?

— Она меня учительницей звала. Обманизм преподавать, — уже не телевизионным, а простым шёпотом сказала Тарасова.

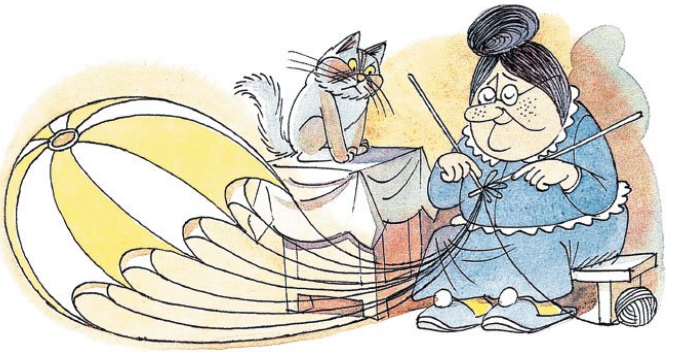
— Прекрасный выбор! — заявил Спальников. — За чем же дело стало? — И сам же себе ответил: — А за тем, что она такое напреподаёт, что все звери разбегутся. Во главе с директором зоопарка.

— Ещё заставит их ванну в скафандрах принимать, — добавил Трофимов.

— Или лампасы к джинсам шить, — сказала Лушина.

— А то всех зверей отправит в парашютные противопожарные войска, — продолжил Спальников. — Им никаких противогазов не надо. Они и так страшные.

— Вы смеётесь, а я правду говорю! — голосом пионера из детского театра закричала Кира. Но ей никто уже не верил. И все отвернулись от неё. Каждая шутка хороша в меру.



Л. Гераскина
В стране невыученных уроков
(Отрывок из книги)

Рис. В. Чижикова

...Я поднял голову и стал внимательно осматривать ветки. Они качались и шумели. Кузи нигде не было видно. Вдруг я заметил среди листвы

серый мешок. В нём что-то шевелилось. Я тут же влез на дерево, добрался до мешка и развязал его. Охая и фыркая, оттуда вывалился растрёпанный Кузя. Мы очень обрадовались, что нашли друг друга.

Кузя рассказал о том, как гонщик поймал его, сунул в мешок и повесил на дерево. Гонщик очень зол на меня. Он всюду разыскивает свой велосипед. Если гонщик поймает нас, то непременно посадит в тюрьму за угон велосипеда и нерешённую задачу.

Мы стали выбираться из леса. Вышли на небольшую полянку, где росло красивое высокое дерево. На нём висели булки, сайки, бублики и кренделька.

Хлебное дерево! Когда я говорил на уроке, что на хлебном дереве растут булочки и бублики, все смеялись надо мной. А что теперь сказали бы ребята, увидев это дерево?

Кузя нашёл другое дерево, на котором росли вилки, ножи, ложки. Железное дерево! И о нём я рассказывал. Тогда тоже все смеялись.

Кузе хлебное дерево понравилось больше, чем железное. Он понюхал румяную булочку. Ему очень хотелось съесть её, но он не решался.

— Съешь, да и превратишься ещё в собаку, —

ворчал Кузя. — В этой странной стране надо всего остерегаться.

А я сорвал булку и съел. Она была тёп-лая, вкусная, с изюмом. Когда мы оба подкрепились, Кузя начал искать колбасное дерево! Но здесь такие деревья не росли. Пока мы ели булочки и болтали, из лесу вышла большая рогатая корова и уставилась на нас. Наконец-то мы увидели доброе домашнее животное. Не свирепого медведя, даже не верблюда, а милую деревенскую Бурёнку.

— Здравствуй, дорогая коровушка!

— Здравствуй, — равнодушно ответила корова и подошла ближе. Она внимательно разглядывала нас, Кузя спросил, чем это мы так ей понравились.

Корова подошла ещё ближе и нагнула рога. Мы с ней переглянулись.

— Что ты собираешься делать, корова? — спросил кот.

— Ничего особенного. Я просто съем тебя.

— Да ты с ума сошла! — удивился Кузя. — Коровы не едят котов. Они едят траву. Это же все знают!

— Не все, — возразила корова. — Виктор Перестукин, например, не знает. Он сказал на уроке, что корова — животное плотоядное. Поэтому я

и стала есть других животных, почти всех здесь уже съела. Сегодня съем кота, а завтра мальчика. Можно, конечно, съесть обоих сразу, но при таком положении приходится быть экономной.

Никогда я не встречал такой противной коровы. Я доказывал ей, что она должна питаться сеном и травой. А есть человека она не смеет. Корова лениво махала хвостом и твердила своё:

— Всё равно я вас обоих съем. Начну с кота.

Мы так горячо спорили с коровой, что не заметили, как возле нас появился белый медведь. Бежать было уже поздно.

— Кто такие? — рявкнул медведь.

— Мы с хозяином путешествуем, — пискнул Кузя.

Я добавил, что путешествуем не просто так, бесцельно, а для образования. Медведь слушал, обмахивался веткой и ворчал. Ему было жарко в своей белой шубе.

Корова вмешалась в наш разговор. Она заявила, что мы с Кузей — её добыча, и она не уступит нас медведю. В лучшем случае медведь может закусить мальчиком, а о коте не может быть и речи. Она твёрдо решила съесть его сама. Видно, она думала, что кот вкуснее мальчика. Нечего сказать, милое домашнее животное!.. Не успел

медведь ответить корове, как сверху послышался шум. На нас посыпались листья и сломанные ветки. На толстом суку усаживалась огромная и странная птица. У неё были длинные задние лапы, короткие передние, толстый хвост и хорошенькая мордочка. Два неуклюжих крыла торчали у неё за спиной. Птицы стаей носились вокруг неё и тревожно кричали. Наверно, они тоже впервые увидели такую пташечку.

— Что это ещё за уродина? — невежливо спросил медведь. А корова поинтересовалась, можно ли её есть.

Кровожадная тварь! Мне хотелось запустить в неё камнем.

— Это птица? — спросил Кузя.

— Таких больших птиц не бывает, — ответил я.

— Эй, на дереве! — заревел медведь. — Ты кто такая?

— Я птица-кенгуру, — нежным голоском пропело чудовище.

— Врёшь, — разозлился медведь. — Кенгуру не летают. Ты зверь, а не птица.

Корова тоже подтвердила, что кенгуру не птица. И тут же добавила:

— Взгромоздилась такая туша на дерево и строит из себя соловья. Слезай вниз. Я тебя съем.

Кенгуру рассказала, что раньше она в самом деле была зверем, пока один доб-рый волшебник на уроке не объявил её птицей. После этого у неё выросли сильные крылья и она стала летать. Летать весело и приятно!

Завистливую корову слова кенгуру разозлили.

— Чего мы её слушаем? — спросила она медведя. — Давай её лучше скушаем.

Тут я схватил здоровенную еловую шишку и угодил корове прямо в нос.

— До чего же ты кровожадная! — упрекал я корову.

— Ничего не поделаешь. Это всё потому, что я плотоядная.

Мне понравилась весёлая кенгуру. Только она одна не ругала меня и ничего не требовала.

— Слушай, кенгуриха! — проревел медведь. — Неужели ты в самом деле стала птицей?

Кенгуру клялась, что рассказала правду. Теперь она даже учится петь. И тут же затянула смешным голоском:

Такое счастье сниться
Нам может лишь во сне:
Внезапно стала птицей.
Летать приятно мне!
Была я кенгуру,
А птицею умру!

— Безобразие! — возмутился медведь. — Всё перевернулось. Коровы едят котов. Звери летают,

как птицы. Белые медведи теряют родной север. Где это видано?

Корова недовольно замычала. Такой порядок и ей был не по душе. Только кенгуру была всем довольна. Она сказала, что даже благодарна за такое превращение доброму волшебнику Виктору Перестукину.

— Перестукину? — грозно спросил медведь. — Я ненавижу этого мальчишку. Вообще не люблю мальчишек!

И медведь бросился на меня. Я быстро взобрался на железное дерево. Кузя метнулся за мной. Кенгуру кричала, что стыдно и неблагородно преследовать беззащитного детёныша-человёныша. Но медведь лапами, а корова рогами стали трясти дерево. Кенгуру не могла видеть такую несправедливость, взмахнула крыльями и улетела.

— Не пытайся улизнуть, кот, — мычала снизу корова. — Я научилась ловить даже мышей, а их труднее поймать, чем кота.

Железное дерево раскачивалось всё сильней. Мы с Кузей бросали в корову и медведя ножи, вилки, ложки.

— Слезайте! — вопили звери.

Было ясно, что долго нам не продержаться. Кузя умолял меня срочно вызвать Географию. По правде сказать, я и сам уже хотел это сделать. Видели бы вы оскаленную жадную морду коровы!.. Она совсем не походила на ту красивую коровку, которая нарисована на сливочном шоколаде. А медведь был ещё страшнее.

— Вызывай скорей Географию! — вопил Кузя. — Я боюсь их, боюсь!

Кузя судорожно цеплялся за ветки. Неужели и

я такой трус, как кот?

— Нет, мы ещё продержимся! — крикнул я Кузе, но ошибся.

Железное дерево закачалось, заскрежетало, и с него градом посыпались железные плоды, а вместе с ними свалились и мы с Кузей.

— У-у! — зарычал медведь. — Теперь-то я с вами разделаюсь…

Корова потребовала соблюдать правила охоты. Она уступает медведю мальчишку, а кот принадлежит ей.

Последний раз я решил уговорить корову:

— Послушай, Бурёнушка, ты всё-таки должна питаться травой, а не котами.

— Ничего не могу сделать. Я плотоядная.

— Да совсем ты не плотоядная, — доказывал я в отчаянии. — Ты… ты… парнокопытная.

— Ну и что ж? Я могу быть парнокопытной и плотоядной.

— Да нет же… ты сеноядное… фруктоядное…

— Хватит молоть чепуху, — прервал меня медведь. — Лучше вспомни, где север.

— Одну минуточку, — попросил я медведя. — Ты, корова, травоядное животное!

Как только я это сказал, корова жалобно замычала и тут же стала жадно щипать траву.

— Наконец-то сочная травка! — радовалась она. — Мне так надоели суслики и мыши. От них у меня портился желудок. Я всё же корова, люблю сено и траву.

Медведь очень удивился. Он спросил корову: а как же теперь будет с котом? Станет корова его

есть или нет?

Корова обиделась. Она ещё не сумасшедшая, чтобы есть кошек. Коровы никогда этого не делают. Они едят траву. Это знают даже дети.

Пока корова и медведь спорили, я решил применить одну военную хитрость. Обману медведя: скажу ему, что я знаю, где находится север, а после вместе с Кузей улизну по дороге.

Медведь махнул лапой на корову и снова стал требовать, чтобы я показал ему север. Я для вида немного поломался, а потом обещал показать…

И вдруг я увидел наш мяч! Он сам прикатился к нам, сам нашёл нас. Это было очень кстати.

Сергей Махотин
Неправильные приставки

Рис. М. Спеховой

Вот что я открыл! Если из русского языка убрать отрицательные приставки, я был бы послушным, внимательным и алаберным.

— А я выносимым! — обрадовался Юрка, когда я сообщил ему о своём открытии.

В это время Лидия Яковлевна велела всем до-

стать тетради и приготовиться к контрольной.

— Звонок скоро, и на тебе — контрольная… — проворчал Юрка.

— Она вообще какая-то… предсказуемая, — согласился я.

Но нам повезло. В класс заглянула директорская секретарша Леночка и срочно позвала учительницу к телефону.

— Из роддома, — добавила она громким шёпотом.

— Ой! — засуетилась Лидия Яковлевна. — Леночка, пожалуйста, побудьте с ними пять минут, я скоро.

По коридору, удаляясь, застучали её каблуки.

— Хороши! — покачала головой Леночка. — На пять минут вас нельзя оставить. — Она подошла к доске и села за учительский стол.

— Леночка, а что случилось? — вкрадчиво спросила Соня Козодоева.

— Не Леночка, а Елена Владимировна, — поправила та строгим голосом. Но быть строгой ей быстро надоело, и она призналась: — У Лидии Яковлевны дочь должна родить вот-вот. А может быть, уже…

Девчонки заверещали:

— А кого, мальчика или девочку?

— Откуда ж она знает?

— Теперь об этом заранее сообщают.

— А ты-то откуда знаешь?

— Вчера по телевизору сказали, — заявил Валера Скориков, — что в Аргентине одна семерых родила!

— Да ну тебя!

— Интересно, кто у неё муж? — мечтательно произнесла Козодоева.

— Филипп Киркоров!

— Дурак!

Поднялся гвалт. Леночка пыталась навести порядок, но её никто не слушал.

— Все девчонки у нас… нормальные, — сказал я.

— Какие же они нормальные! — Юрка с удивлением посмотрел на меня. Но, вспомнив начатую игру, кивнул: — Вообще, ты прав. Орут, как… дорезанные! А пацаны у нас все… дотёпы!

Мы засмеялись.

Вдруг Юрка спросил:

— А твои родители часто ругаются?

— Да когда как. А что?

— Мои часто. Вот родили бы мне в своё время брата или сестру…

— И что?

— Заботились бы, а не ругались.

— Разве о тебе не заботятся?

— А чего обо мне заботиться — я уже большой. — Он вздохнул и добавил: — Подождут ещё немного и разведутся.

Мне стало жалко Юрку. Я спросил:

— А как они ругаются?

— Да ну, повторять неохота. Когда отец приходит с работы, мама кричит: «Терпения моего больше нет!..» Ну, и так далее.

— Может, ты с ними в нашу игру сыграешь?

Юрка пожал плечами.

Шуму в классе поубавилось. Леночка пугала всех какой-то важной комиссией, которая явится в школу на следующей неделе.

Юрка хмыкнул.

— Ты чего? — поинтересовался я.

— Смешно выходит. Представил, как мама на отца ругается: «Вернулся, годяй трезвый! Дельник радивый!»

— А он что? — улыбнулся я.

— А он, — Юрка сделал важное лицо и пробасил: — «Зря ты такими справедливыми словами меня и себя рвируешь».

Мы захохотали. Леночка погрозила нам кулаком.

— Я им вечером расскажу про игру, — прошептал Юрка. — Как думаешь, поможет?

Я кивнул.

В класс вошла Лидия Яковлевна. Все замерли.

— Итак, продолжим, — сказала она деловым тоном. Потом оглядела всех нас. Глаза её вспыхнули, она всплеснула руками и крикнула: — Ой, ребятушки! Я такая счастливая! У меня внучка родилась!

Девчонки завизжали. Леночка бросилась целовать Лидию Яковлевну.

Козодоева, которой светил трояк за полугодие, встала и заявила с проникновенностью:

— Дорогая Лидия Яковлевна! Мы все желаем, чтобы ваша внучка была такая же красивая и добрая, как вы! И чтобы она была… — Соня споткнулась, подыскивая слова.

— Заботной и наглядной! — подсказал Юрка.

Все засмеялись, хотя никто ничего не понял. Кроме меня.

Сто к одному

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — сказала Софья Георгиевна и окунула в кислоту лакмусовую бумажку.

Юрка задумался. Потом достал банан и заявил:

— Лучше один раз откусить, чем сто раз понюхать!

Осенило и меня:

— Лучше один раз поделиться, чем сто раз жмотничать.

Юрка кивнул и отломил мне половину. Ободрённый успехом, я вспомнил:

— Лучше быть сытым, чем голодным.

— Не считается, — Юрка покачал головой. — Должно быть соотношение один к ста, уловил?

— Тогда вот: лучше сто метров бегом, чем один километр пешком.

— Тут соотношение сто к одному. Ну ладно, сойдёт. Хотя и глуповато.

— Придумай поумнее, — сказал я, слегка задетый.

— Лучше стоящий друг, чем дебилы вокруг!

— Ну и где тут сто к одному?

— В слове «стоящий», дурачок!

— А один?

— Как где? Друг — он же один!

— Что за разговоры на уроке! — раздался сердитый голос Софьи Георгиевны. — Вот эти два ученика мне принесут два дневника!

У неё получилось в рифму, но не по нашим правилам.

В эту же минуту зазвенел звонок.

— Лучше одна перемена, чем сто уроков! — грянули мы с Юркой одновременно.

И тут уж нам никто не мог ничего возразить.

В. Осеева
Танины достижения

Рис. А. Кукушкина

Каждый вечер папа брал тетрадку, карандаш и подсаживался к Тане и бабушке.

— Ну, какие ваши достижения? — спрашивал

он.

Папа объяснил Тане, что достижениями называется всё то хорошее и полезное, что сделал за день человек. Танины достижения папа аккуратно записывал в тетрадку.

Однажды он спросил, как обычно держа наготове карандаш:

— Ну, какие ваши достижения?

— Таня мыла посуду и разбила чашку, — сказала бабушка.

— Гм… — сказал отец.

— Папа! — взмолилась Таня. — Чашка была плохая, она сама упала! Не стоит писать о ней в наши достижения! Напиши просто: Таня мыла посуду!

— Хорошо! — засмеялся папа. — Накажем эту чашку, чтобы в следующий раз, при мытье посуды, другая была осторожней!

Все вместе

В первом классе Наташе сразу полюбилась девочка с весёлыми голубыми глазками.

— Давай будем дружить, — сказала Наташа.

— Давай! — кивнула головой девочка. — Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

— Разве если дружить, так надо вместе баловаться?

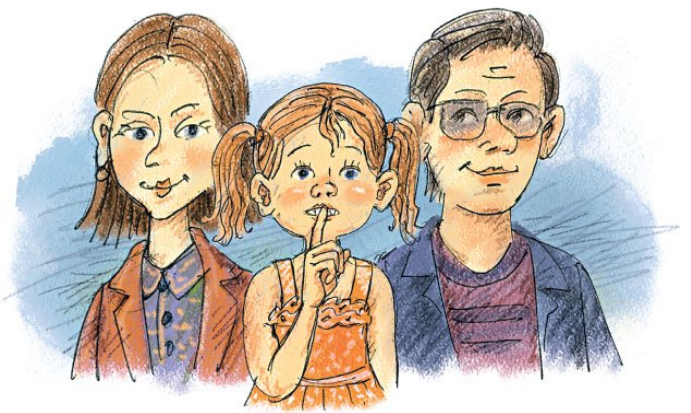
— Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! — засмеялась Оля.

— Хорошо, — нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась. — А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

— Ну, это редко! — сморщила носик Оля. — Это смотря какую подружку себе найдёшь!

Чего нельзя, того нельзя

Один раз мама сказала папе:
— Не повышай голос!
И папа сразу заговорил шёпотом.



С тех пор Таня никогда не повышает голос; хо-

чется ей иногда покричать, покапризничать, но она изо всех сил сдерживается. Ещё бы! Уж если этого нельзя папе, то как же можно Тане?

Нет уж! Чего нельзя, того нельзя!

Р. Погодин
Кто нагрел море

Рис. Н. Беланова

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Чёрное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путёвку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: «Чёрное море не такое, как наше — Балтийское. Оно громадное и очень тёплое». Ещё они говорили, что по Чёрному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией… Кешка был страшно горд оттого, что всё это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра — так ему хотелось увидеть Чёрное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

— Подожди, нужно воду попробовать. — Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. — Холодная вода, Кешка. Купаться ещё нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода всё-таки

холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были тёплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело ещё низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

— Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и всё смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, тёплые.

«А что, — подумал Кешка, — если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошёл к берегу и бросил в море камень. Потом ещё и ещё.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется — пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось всё выше. Камушки становились всё горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назы-

вались — «барашки», — закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: «Прррравильно, малышшшш-ш…»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

— Ну вот, — сказала она, — теперь вода в самый раз, можно купаться… Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

Чижи

Случилось это так. Вечером прибежал Мишка. Он постучал, потому что побаивался Кешкиной мамы. Значит, Мишка постучал, просунул в дверь голову, обвёл комнату глазами и сказал:

— Кеш… Ты один?

Кешка соскочил с оттоманки: он читал «Р. В. С.»

— Один.

Мишка был уже в комнате.

— Кешка, выручи до завтра!

— А как тебя выручить?

Мишка извлёк из-под пальто картонную коробку с дырками, проткнутыми гвоздём.

— Подержи до утра чижей, а то моя мамаша говорит: «Выгоню вместе с чижами…» Я завтра их в школе выпускать собираюсь, завтра День птиц, понимаешь?..

— Понимаю.

— Я уж у матери просил-просил. — Мишка прижал к груди коробку и заговорил ноющим голосом, каким, по обыкновению выпрашивал что-нибудь у своей матери: — Не может ещё одну

ночь потерпеть… — потом добавил с тревогой: — Может, и твоя мать не захочет?

— Её нет дома, — успокоил его Кешка. — Она сегодня в вечернюю смену. — Кешке очень хотелось посмотреть чижей. Он заглядывал в дырочки, но в коробке было темно и тихо. — Мишка, может, они задохнулись?..

— В том-то и дело, — серьёзно подтвердил Мишка. — В коробке им воздуху мало, их надо между рам пустить… А моя мамаша, знаешь?..

— А моя ничего, — заторопился Кешка, — она чижей любит. — Ему очень хотелось, чтобы птицы побыли у него.

Мишка подумал чуточку и пошёл обследовать окно. Расстояние между стёклами было большое, в самый раз.

— Крупа у тебя есть? — спросил он.

Кешка с готовностью полез в буфет.

— Есть, есть… Какую надо?..

— Пшена лучше всего.

Кешка достал железную банку с пшеном, спрыгнул со стула и протянул её Мишке. Мишка заглянул в растворённую дверку буфета.

— А в тех банках что?

— Рисовая, гречневая, манная, перловая…

— Ишь ты, — Мишка покачал головой и улыб-

нулся. — Давай чижам ассорти дадим.

— Такого нет, — сказал Кешка.

Мишка никогда не смеялся и не сердился, если Кешка чего-нибудь не знал.

— Такого отдельно и не бывает. Ассорти — это когда всех сортов понемногу.

— Понял, — закивал головой Кешка и полез в буфет за остальными банками.

Мишка насыпал между рамами всех круп по горсточке, добавил даже толстой разноцветной фасоли для красоты. Потом плотно закрыл окно, проверил форточки. Всё было как надо. Мишка развязал нитку на коробке, приподнял крышку и засунул туда руку. Кешка, не отрываясь, затаив дыхание, следил за ним. Мгновение — и из Мишкиного кулака уже выглядывает удивлённая взъерошенная головка чижа. Первый чиж очутился между рамами. Кешка бросился смотреть его. А Мишка уже доставал другого. Скоро за стёклами сидели все четыре чижа. Серенькие, маленькие, с зеленоватыми грудками. Они порхали вверх, вниз, поднимали невесть откуда взявшуюся пыль. Скакали по крупяному ассорти, совсем не обращая на него внимания, словно это был не корм, а уличный песок.

— Мишка, почему они не едят?

— Сытые, — ответил Мишка. Они ещё несколько минут постояли у окна, поглядели, как порхают и возятся за окном шустрые чижи. Потом Мишка схватил шапку, заторопился домой. — Арифметику ещё надо доделать, — сказал он на прощание. — Значит, до завтра… Я рано приду, утром…

Когда Мишка ушёл, Кешка поставил к окну стул и смотрел на чижей, пока они не угомонились и не уснули, спрятав носы в перья. Птицы ложатся спать гораздо раньше людей… Зато и встают они… Но об этом дальше.

Кешка сквозь дрёму видел, как пришла мама с работы, как легла спать. Потом ему стало душно; он проснулся, встал с постели, хотел открыть форточку и вспомнил про чижей. Мама спала чуть приоткрыв рот; щёки её разрумянились, — наверно, и ей было душно. Но ведь форточку открывать нельзя — чижи улетят. Кешка подумал-подумал, что ему делать, и уселся у окна, решил сторожить форточку до утра. Кто знает, усни он, мама встанет и откроет. Что тогда Мишка скажет? Кешка долго смотрел на спящих птиц, на серое небо, на яркую зеленоватую звезду Вегу. Потом всё это закружилось и куда-то пропало, словно на окно накинули плотную штору. А под

утро Кешка увидел сон. Будто идёт он с Мишкой в школу выпускать чижей. Чижи поют песни, Мишка поёт, и он, Кешка, подпевает. Такое веселье вокруг, и вдруг мамин голос: «Безобразие!»

Кешка открыл глаза. В комнате светло и стоит такой гвалт, хоть уши затыкай. Чижи горланили в четыре глотки, и даже удивительно: маленькие птахи, а шумят, будто целый птичий базар.

Они били крыльями, лущили крупу и долбили носами в стёкла.

Над домами плыли розовые облака; солнце, должно быть, ещё едва поднялось над землёй.

Мама закрыла уши подушкой и просила, не размыкая глаз:

— Кешка, прогони птиц с окна… Чего это они у нашего окна раскричались?..

Кешка растерялся.

— Ма, их нельзя прогнать, — наконец пробормотал он, — сегодня День птиц.

Мама села на кровати и увидела, что Кешкина постель пуста.

— Опять твои фокусы?.. Должна я отдохнуть или нет?..

— Должна, — согласился Кешка.

— Тогда прогони птиц… сейчас же!

— Нельзя ведь, — упавшим голосом запроте-

стовал Кешка.

— Тогда я сама прогоню!

— Мама, — закричал Кешка, — чужие чижи!.. — Но мама потянула на себя первую раму и тут же отскочила от окна. Чижи, как ошалелые, ринулись в комнату. Они садились на абажур, на картины, скакали по столу, пищали и пели.

— Гони их! — кричала мама.

— Лови! — кричал Кешка.

Мама гоняла чижей полотенцем, как мух... Вдруг в прихожей тихонько звякнул звонок. Мама вопросительно посмотрела на Кешку и пошла открывать.

— Кого ещё в такую рань несёт? — ворчала она.

За дверью стоял Мишка.

— Здрасте, тётя Лиза. Я за чижами. — Мишка уставился в пол и добавил едва слышным шёпотом: — Проспал я маленько.

Мама молча отступила, пропустила Мишку в комнату.

Чижи немного угомонились; они скакали по шкафу, по карнизу. А один раскачивался на занавеске и тревожно чирикал.

— Проспал маленько, — ещё раз пробормотал Мишка. — Их надо было сонными хватать.

— Ну, ну, хватай, — сказала мама.

Ловля чижей возобновилась. Только теперь мама сидела на кровати и устало смотрела, как Мишка и Кешка, крадучись, подбираются к чижам. Те подпускают их совсем близко и вдруг — порх!..

— Чижи, чижи… чиженьки, — шептал Мишка, хищно глядя на птах. — Куда же вы улетаете?.. — Он бросался на какого-нибудь чижа, опрокидывая при этом стулья. Ушибал себе колени или локти и грозил неразумным птицам: — Дураки безмозглые!.. Я ж вас зачем ловлю? Чтобы выпускать. Чижа, чижа… Чиженька…

У Кешки была другая тактика. Он стоял на валике оттоманки, кричал, размахивал руками, а когда перепуганная птица пролетала мимо, бросался на неё, как вратарь. Чижи носились по комнате как сумасшедшие, с размаху бились о стёкла, падали, взлетали снова и опять ударялись о невидимую преграду… В воздухе кружились лёгкие перья и пыль.

В дверях стояли заспанные тётя Люся и шофёр Василий Михайлович.

— Что происходит? — испуганно спросила соседка.

— Птицы, — понимающе сказал сосед. — Летают… Ты, Кешка, их простынёй лови.

Наконец мама не выдержала. Встала, открыла вторую раму. В комнату сразу ворвалась струя свежего весеннего воздуха. Чиж, который был поближе к окну, прыгнул на подоконник и выпорхнул на улицу.

— Держи! — завопил Мишка.

— Хватит птиц мучить, — сказала мама. — Пусть и остальные летят.

Мишка опустился на стул совсем расстроенный.

— Тётя Лиза, что вы наделали!.. Мне же их сегодня выпускать надо в школе… Ведь День птиц.

— Вот и пусть летят.

— Да они сами улетают, а надо организованно…

Чижи, почувствовав свежий уличный воздух, ринулись к окну. Два вылетели сразу, а один ударился о занавеску и запутался в ней. Тут Мишка его и схватил.

— Не расстраивайся, — успокаивал друга Кешка. — Одного выпустишь организованно.

— Да я их специально ловил… — бубнил Мишка.

А мама подошла к окну и откинула занавеску.

— Вон твои чижи на дереве сидят… Радуются… Приятеля поджидают… Каково ему?..

Мишка посмотрел на Кешку, ища у него поддержки. Но Кешка опустил глаза.

— Мишка, давай и этого… А, Мишка?..

Мишка шумно засопел, потом подошёл к Кешкиной маме и сунул ей в руки чижа.

— Нате… Выпускайте… Всё равно это не по правилам.

Мама посмотрела на маленькую серую птичку в своей руке, подула ей на взъерошенное темя и раскрыла ладонь.

День рождения

Есть у каждого человека один замечательный день — день рождения. И подарки тебе, и сласти. Даже шалости в этот день прощаются.

У Кешки день рождения в конце лета. Мама всегда покупает астры, столько штук, сколько лет Кешке исполнилось. Ставит их в вазочку и говорит: «Вот, Иннокентий, стал ты теперь на целый год старше. Пора тебе начать новую жизнь, серьёзную». И Кешка всегда эту новую жизнь начинал. По крайней мере, он каждый раз говорил: «Ну вот сегодня я уж обязательно начну…»

Он проснулся, когда мама уже ушла на работу. В комнате красиво убрано. На столе в вазочке девять белых пушистых цветков, завтрак и записка: «Дорогой мой, поздравляю тебя с днём рождения. Мама».

Кешка быстро убрал постель, умылся, позавтракал, подмёл пол и помчался во двор.

Во дворе солнце. Под водосточными трубами из щелей в асфальте торчит сухая пыльная трава. Листья на старых корявых липах жёсткие и шершавые — скоро начнут желтеть.

Мишка с Круглым Толиком сидят возле выросших за лето поленниц, похваляются, кто лучше провёл лето.

— А у меня сегодня день рождения, — объявил им Кешка. — Приходите вечером в гости!

Мишка схватил Кешку за уши, стал тянуть, приговаривая:

— Расти большой, расти большой…

Толик тоже немного потянул. Потом оба сказали: «Придём».

Мама отпросилась с работы пораньше, с обеда. Ей нужно было испечь пирог, приготовить для гостей всякие вкусные вещи.

Кешка помогал ей изо всех сил: расставлял тарелки, резал сыр, колбасу, рыбу, раскладывал ножи и вилки. Он всё время прислушивался, когда же зазвонит звонок и пойдут гости.

Первыми пришли Мишка с Толиком. Они были какие-то очень чистенькие и неловкие. По очереди пожали Кешке руку, сказали: «С днём тебя рождения» — и подарили Кешке большую коробку, завёрнутую в бумагу.

— Пользуйся.

Потом пришли тётя Люся с дядей Борей. Они подарили Кешке портфель с блестящим замком. Потом пришла мамина сослуживица. Потом муж-

чина — сослуживец… И пошли один за другим мамины знакомые. Все улыбались, давали Кешке подарки, говорили: «Расти большой, слушайся маму».

— Не люблю я эту канитель, — ворчал Мишка.

— Нас за общий стол посадят или куда-нибудь? — справлялся Толик и шептал: — Чего-то есть охота…

Посадили их за общий стол, даже дали по рюмке и налили в рюмки лимонад.

Гости заулыбались: «Расти большой!.. Умный!.. Слушайся маму!..» Потом они стали маму поздравлять, потом друг друга, потом каких-то своих общих знакомых. Белые астры, стоявшие посреди стола, перекочевали на подоконник.

Толик, Кешка и Мишка пили лимонад, накладывали себе всякой еды, а когда наелись, полезли к столу с подарками. Кешке и Толику очень хотелось посмотреть, что принесли, но Мишка презрительно махнул рукой.

— Ничего там толкового нет. Дребедень — шоколадки какие-нибудь. Толька, доставай нашу игру. Сразимся.

Толик (он проковыривал во всех пакетах дырочки) бросил своё занятие и из груды подарков извлёк коробку, которую они с Мишкой при-

несли.

— Игра «Кто быстрее». Для смекалки, — пояснил Мишка.

В коробке лежала расчерченная на линии и кружочки картонка. Каждому игроку полагалось по три деревянные фишки. Нужно было кидать пластмассовый кубик, смотреть, сколько выпадет очков и на столько кружков передвигать свою фишку. Ещё нужно было убегать от идущего сзади, чтобы не сбил. Если собьют, начинай сначала.

Ребята двигали фишки, смеялись и поддразнивали друг друга. Первым шёл Кешка. Мишка всё время слетал и начинал снова. Мишка не злился, говорил, будто Кешке везёт потому, что у него день рождения. В другой день он обязательно бы его обставил.

— Смотрите!.. Это же «Рич-Рач»! — изумлённо воскликнул дядя Боря, вылезший из-за стола. — Великолепная игра. Я ею в детстве увлекался. Елизавета Петровна, Люся, идите сюда! — Мама и тётя Люся подошли к ребятам. За ними потянулись и остальные.

— «Рич-Рач»!.. Это же подлинный «Рич-Рач»! — восторгался дядя Боря. — Ребята, у вас три фишки лишние. Можно мне?

— Пожалуйста, — великодушно разрешил Мишка и зашептал: — Ну что, видели, какая игра!.. Это не шоколадки разные, не всякие там тренди-бренди.

А дядя Боря уже кидал косточку и шагал фишкой по полю.

Толик тоже хотел ходить, была его очередь, но это сделала за него тётя Люся. Кешкину очередь отобрала мама. Ребят оттеснили, и Мишка, оставшись один, тоже вскоре выбрался из окружения.

— Тоже мне взрослые!.. В детскую игру занялись, — ворчал он.

— Мы не им подарили, — тосковал Толик, — Кешке подарили.

— Здесь не только вперёд сбивать можно, — высоким голосом объяснял дядя Боря. — Здесь ещё и лягаться можно, если кто сзади окажется вплотную… Вот смотрите, Елизавета Петровна, я вас сейчас лягну.

Кешка насупился. Толик протолкался к игре, посмотрел исподлобья на дядю Борю и угрюмо произнёс:

— Вы, пожалуйста, свою тётю Люсю лягайте, а Кешкину маму не смейте. И вообще мы не вам игру подарили. Кешке подарили…

Толик сгрёб картонное поле с фишками и стал,

пятясь, протискиваться к ребятам. Но тётя Люся схватила его за руку.

— Что тебе, жалко, что ли?..

— Ишь, какой шустрый! — кисло улыбнулась мамина сослуживица.

Кто-то захохотал. Дядя Боря начал краснеть и протирать очки. Мама растерялась от неожиданности.

— Толик, как тебе не стыдно?..

Через минуту ребята уже сидели в коридоре на старом тётином Люсином сундуке. Из комнаты доносился смех. Дядя Боря объяснял ещё какие-то новые правила игры в «Рич-Рач».

— «Рич-Рач» какой-то придумал, — ворчал Мишка. — Сам он Рич-Рач.

— Жалко, — бормотал Толик, — рано выгнали… Торту бы хоть попробовать… А то всё сами съедят.

Кешке было стыдно перед ребятами. «Вот пригласил друзей на свой собственный день рождения…» Он вздыхал, думал, чем бы занять своих гостей, наконец предложил:

— Пойдёмте в кухню, там у нас лампочка шипит.

Лампочка на самом деле шипела. Вернее, она тихонько звенела, потрескивала и ещё как будто

произносила всё время букву «С». Так: «С-с-с-с!..»

— Ни у кого такой лампочки нет, — похвастал Кешка. — Мишка, скажи, почему она такая?

Мишка задрал голову, начал кружиться под лампочкой. Он глубокомысленно хмыкал, щурился, чесал нос. Потом заявил:

— Наверно, в неё воздух проходит. Дырка, наверно, есть.

— Лампочка с дыркой не загорится, — возразил Толик. — Из неё электричество выскакивать будет.

Мишка хотел что-то растолковать Толику, но в эту минуту в кухню вошла мама.

Лицо у неё было уже не сердитое. Она обхватила ребят руками.

— Ладно, будет дуться. Идите в комнату. Никто бы вашу игру не съел... Идите, я вас тортом накормлю.

— Не пойдём мы в комнату. Нам здесь веселее, — сказал Кешка.

Мама погрустнела, улыбнулась растерянно.

— Ладно, тогда я вам сюда торта принесу.

Она принесла им три больших куска с кремовыми загогулинами, бутылку лимонада и конфет.

Ребята уселись к тётиному Люсиному столу. Они ели торт и конфеты.

Потом в кухню выбежала тётя Люся.

— Ну, как вы тут?.. Торт едите?.. Хотите, селёдочки принесу? После сладкого селёдка очень хорошо. Хотите? — И, не дожидаясь ответа, убежала.

Селёдка после торта и конфет оказалась действительно очень вкусной. Ребята ели селёдку и слушали, как шипит лампочка.

— Я догадался, почему шипит, — вскочил вдруг Мишка. — Контакт слабый… У нас однажды такое было. Отец сразу починил.

— А ты можешь? — спросил Кешка.

— Пустяки, делать нечего… Давайте табуретки и ножик.

Мишка подставил под лампочку табурет, взгромоздил на него другой и с помощью товарищей взобрался наверх. Схватился за лампочку, отдёрнул руку.

— Фу-у… Горячая…

Кешка подал ему тряпку.

Мишка обмотал тряпкой лампочку, повернул — и в кухне стало темно. Лишь на потолке жёлтым облачком покачивался отсвет уличного фонаря. Мишка засунул лампочку в карман вместе с тряпкой.

— Теперь нож давайте!..

Кешка приподнялся на цыпочки, вложил в Мишкину ладонь широкий кухонный ножик.

— Сейчас… Сейчас… — бормотал Мишка. — Контакт отогнём — и всё. Без звука работать будет. Как надо… — Мишка сунул ножик в патрон. Посыпались голубые искры. Раздался сухой треск. Мишка вскрикнул, выронил нож, пригнулся — и потерявшие равновесие табуретки загремели на пол. Всё это случилось в одну секунду.

Мишка лежал у стола, за которым они только что ели торт и селёдку. Он удивлённо кряхтел, растирал ушибленные бока, тряс рукой.

А в коридоре уже раздавались голоса:

— Что случилось?! Почему свет погас?! Замыкание, наверно… Всегда, как только люди соберутся, как только за стол…

В кухню вбежали дядя Боря и мама. Дядя Боря чиркнул спичку.

— Конечно, замыкание!.. Видите, они что-то с патроном сотворили.

Ребята поднимали Мишку. Он шёпотом оправдывался:

— Эх, забыл выключатель повернуть!..

В кухне уже горела свеча.

— Что вы наделали? — допытывалась мама. — Где лампочка?..

— Вот она… — Мишка вытащил из кармана тряпку. На пол посыпался звонкий стеклянный дождь.

— Осторожнее! — бросилась к нему мама. — Неужели вы спокойно сидеть не можете?..

— Мы её починяли, — бормотал Кешка. — Чего она шипит? — А про себя Кешка думал: «Ну вот, всегда, как только новую жизнь начнёшь, всё не так получается…»

Мамин сослуживец и ещё один знакомый полезли ввинчивать пробки. А тётя Люся стояла посреди кухни и возмущённо отчитывала Кешку:

— Что это у тебя за мода, не понимаю… Людей пригласили на день рождения, а ты свет портишь.

— Ну, ничего страшного не произошло, — убеждала её мамина сослуживица. — Они ведь дети ещё.

Кешкина мама стояла у плиты, смотрела на притихших ребят.

Мишка и Толик подталкивали Кешку в бока: извинись — и дело с концом.

Но мама не стала ругать Кешку. Она даже потрепала его по голове. Она, наверно, простила ему: ведь у Кешки был день рождения, а в этот

день наказывать ребят не принято.

В. Железников
Разноцветная история

Рис. К. Почтенной

Нас двое у родителей, я и моя сестра Галя, но мама говорит, что мы сто́им добрых десяти. Мама никогда не оставляет нас дома одних, потому

что тогда я обязательно что-нибудь придумаю и сделаю Галю соучастницей.

Папа называет это цепной реакцией. И никто не догадывается, что виноват в этом совсем не я, а фантазия, которая живёт во мне. Не успею я опомниться, как она уже что-нибудь такое задумает и вертит мною, и крутит, как захочет.

Но в это воскресенье нас всё же оставили одних — мама и папа ушли в гости.

Галя тут же собралась гулять, но потом передумала и решила примерить мамину новую юбку. Вообще она любит примерять разные вещи, потому что она франтиха. Галя надела юбку, мамины туфли на тоненьком изогнутом каблуке и стала представлять взрослую женщину. Она прохаживалась перед зеркалом, закидывала голову и щурила глаза. Галя худая, и юбка болталась на ней, как на вешалке.

Я смотрел, смотрел на неё, а потом увлёкся более важным делом.

Совсем недавно я был назначен вратарём классной футбольной команды и вот решил потренироваться в броске. Я начал прыгать на тахту. Пружины подо мной громко скрежетали и выли на разные голоса, точно духовой оркестр настраивал свои инструменты.

— Прыгай, прыгай! Вот допрыгаешься — скажу маме!

— А я сам скажу, как ты юбки чужие треплешь!

— А ты всё равно зря тренируешься, — ответила Галя.

— Почему же? — осторожно спросил я.

— А потому, что с таким маленьким ростом не берут на вратарей.

Галя, когда злится, всегда напоминает о моём росте. Это моё слабое место. Галя моложе меня на год и два месяца, а ростом выше. Каждое утро я цепляюсь за перекладину на дверях и болтаюсь минут десять, используя старинный совет шведских спортсменов. Говорят, помогает росту. Но пока что-то помогает плохо. Не знаю, почему все расхваливают Петера Линге, который придумал висеть на «шведской стенке».

Обо всём этом я, конечно, Гале не сказал, а только с издёвкой заметил:

— Не возьмут, говоришь? Три ха-ха! Много ты в этом понимаешь! Посмотрела бы на мою прыгучесть! — Я со всего размаха бросился на тахту, но прыгнул без расчёта и ударился головой об стенку.

Галя расхохоталась, а я предложил ей:

— Ну, хочешь, я устрою ворота, а ты возьми мяч и попробуй забить гол.

Гале, видно, надоело представляться взрослой женщиной, и она согласилась.

И вот я стал в воротах, между старинными каминными часами, которые считались в нашей семье музейным экспонатом, и подушкой, и, надев подлокотники и наколенники, пружинил ноги, чтобы сделать бросок.

Галя подобрала юбку…

Удар! Я падаю и ловлю мяч. Снова удар! И снова мяч у меня в руках!

Гале охота забить гол, а я, не жалея ни рук, ни ног, падаю на пол и ловлю мяч.

Но вот я отбиваю мяч, и он летит прямо на письменный стол, опрокидывает чернильницу и, точно ему мало этого, несколько раз подпрыгивает на чернильной луже. И тут же на маминой юбке появляется большое фиолетовое пятно.

Галя оцепенела от ужаса, а я как лежал на полу, так и остался там лежать.

— Ой, что теперь будет? — заныла Галя. — Ты только и знаешь, что неприятности придумывать, а я потом расхлёбывай!

Я тоже растерялся, но, чтобы успокоить Галю, бодро сказал:

— Ничего, отстираем.

И тут мне в голову пришла идея.

— Ты помнишь, — говорю, — мама мечтала о фиолетовой юбке?

— Помню, — нерешительно отвечает Галя и морщит лоб.

Она так всегда делает, когда что-нибудь вспоминает.

— Мы сделаем маме подарок. У неё была жёлтая юбка, а теперь будет фиолетовая.

Галя на всякий случай подальше отодвинулась от меня.

— Может, ты думаешь, я разрешу тебе вымазать всю юбку чернилами?

Я ничего не ответил, а тут же полез в мамин ящик, где у неё среди всяких лоскутков хранились пакетики с краской. Скоро у меня в руках были три таких пакетика. Только фиолетовой не оказалось. Но это меня уже остановить не могло.

— Ну, какую возьмём? — Я держался спокойно, потому что видел, что Галя тоже увлеклась моей идеей.

— Знаешь, Юрка, синий цвет, по-моему, очень скучный, — ответила Галя. — А коричневый ещё скучнее. Достаточно, что я весь год хожу в коричневом платье.

— Значит, красный. Хорошо. Это получше, чем фиолетовый. Пошли!

И мы отправились с Галей на кухню.

Налить в таз воды и вскипятить — дело для меня пустяковое.

Галя послушно стянула юбку и, ойкая, передала мне, а я без колебаний опустил её в закипевшую жидкость.

«Началось!» — подумал я про себя, но отступать было уже поздно.

— Принеси папину чертёжную линейку, — приказал я.

— Зачем? — робко спросила Галя.

— А как по-твоему, чем мы будем ворочать юбку в тазу? — ответил я. — Руками? — И добавил мамины слова: — О, святая простота!

Галя вышла из кухни и вернулась с длинной чертёжной линейкой.

Прошло около часа. Я смотрел, как варится юбка, изредка помешивая бурлящую тёмно-красную жидкость линейкой.

— Может, уже довольно? — спросила Галя.

— Я знаю, когда довольно.

Наконец положенное время вышло, и мы вытащили юбку, отяжелевшую от воды. Слегка отжали её и повесили сушить.

— Смотри, Юрка, — испуганно сказала Галя, — она не красная, а какая-то оранжевая!

— Ну и что? — ответил я авторитетно. — Это редкий и красивый цвет.

Когда юбка просохла, Галя приложила её к себе и прошлась перед зеркалом. В комнату падал солнечный свет. Он играл в складках юбки и отсвечивал разноцветными огоньками. От этого юбка показалась мне ещё красивее.

— Вот это да! — рассмеялась Галя. — Ты у меня умница. Если мама теперь останется недовольна, значит, ей просто не угодишь.

«Может быть, на этот раз меня фантазия не подвела, и всё кончится хорошо», — подумал я и даже развеселился. У меня появилось желание выкрасить что-нибудь ещё.

Но тут случилось самое страшное. Почти одновременно с Галей я заметил на юбке чернильное пятно. Чернильное пятно, из-за которого началась вся эта история с красителями. Ни оранжевая краска, ни кипящая вода — ничто его не взяло. У меня сразу испортилось настроение, но я всё же овладел собой и сказал:

— Сейчас мы накапаем по всей юбке маленькие чернильные пятна, и у нас будет не просто оранжевая юбка, а в фиолетовую горошину.

— В горошину? — возмутилась она. — А потом в полоску? А потом в коричневый цвет? Ой, что теперь со мной будет?! — И Галя заревела.

Я бросился на тахту, закрыл уши руками, чтобы не слышать Галиного рёва, и стал ждать.

Скоро пришли папа с мамой. Они были весёлые, и мы с Галей ничего не сказали — не хотели перед обедом портить им настроение.

Папа даже заметил:

— Что-то наши дети сегодня очень тихие?

«Сейчас надо сознаться», — подумал я про себя, а вслух сказал:

— А что нам веселиться, мы ведь не были в гостях.

После обеда мы с Галей тоже промолчали и ушли гулять. И вдруг папа позвал нас домой.

Когда мы вошли, папа стоял посреди комнаты с чертёжной линейкой в руках, которая была теперь оранжевого цвета. Я подумал, что папа начнёт нас сейчас ругать за испорченную линейку, и временно успокоился. Но он поднял линейку и показал на маму.

Мама была одета в коротенькую юбчонку-недомерок, выше колен. Это всё, что осталось от её новой жёлтой юбки.

Я в ужасе закрыл глаза. Папа заметил, что я так

стою, и закричал:

— Открой глаза и хорошенько полюбуйся на свою работу!

Тут Галя заплакала, а я осторожно приоткрыл один глаз и посмотрел на маму. Про себя я подумал: «Разве мы виноваты, что юбка села?»

До самого вечера вся наша семья молчала. Потом папа куда-то ушёл. Галя чуть снова не заплакала, потому что каждое воскресенье в это время папа гулял с нами, а тут он ушёл один. А мама всё молчала и молчала. Очень трудно нам, когда она так молчит.

Ушла бы погулять, а я тут что-нибудь придумал бы. Ну, сварил бы обед, какой любил д'Артаньян, — жареные цыплята в яблочном соусе. Мама вернулась бы: «Ах!» — а обед готов, и прощение у меня в кармане. Или перемыл бы всю посуду. Или окна к зиме заклеил.

Но тут я вспомнил, что всё это я уже делал, и всё неудачно. Я подумал, что хорошо было бы составить устав для фантазёров. Я бы написал в этом уставе так:

«Никогда не берись за то, что не умеешь делать. Если взялся мыть посуду, то зачем её бить? Если берёшься заклеивать окна, то не надо висеть в открытом окне по два часа и пускать мыльные

пузыри на головы прохожих. Если взялся варить компот, то ешь его в сыром виде умеренно».

«Боже мой, — решил я, — какой я несчастный человек и какая у меня теперь будет тоскливая-тоскливая жизнь!» Мне стало жалко себя. Правда, это продолжалось недолго. Я вспомнил, что устав такой мне ещё никто не написал, и успокоился.

А в следующее воскресенье мама с папой снова ушли, как нарочно. Галя убежала на улицу, потому что боялась со мной оставаться дома.

«Известно, — подумал я, — девчонки — слабое племя. А я вот никуда не уйду и свой устав выполню».

Решил почитать, но, как назло, под руки попалась книга про Тома Сойера. А он тоже был законченный фантазёр. Бросил книгу. И тут мне пришло на ум, что хорошо бы сшить Гале новое платье. Мама материю купила, а сшить никак не соберётся. Голова у меня пошла кру́гом.

«Буду считать вслух, — решил я, — пока все эти идеи у меня сами не выскочат из головы».

Я стал бегать по комнате и считать. Я досчитал до тысячи, потом до десяти тысяч, а голова моя гудела, словно чайник на плите.

Тогда, окончательно измученный, я собрал всю обувь, какая была в доме: ботинки, летние босо-

ножки, мамины выходные лодочки и папины тяжёлые охотничьи сапоги.

Я всё делал как полагается. Коричневые туфли чистил жёлтой мазью, чёрные — чёрной, светлые — белой. В общем, я ничего не старался перекрасить. И скоро передо мной в сверкающем строю стояла вся наша обувь.

— Пусть теперь скажет кто-нибудь, что я неудачник! Подождите, я ещё сварю вам обед почище, чем д'Артаньян едал…

И. Гамазкова
Лисапет,
или Подвиг двоечника

Рис. К. Почтенной

Однажды собрались учёные и начали выступать.

Один говорит:

— Мы вырастили такую травку, что если её корова съест, то будет давать не молоко, а мороженое. Если же при этом ей рассказывать сказки, то мороженое будет ванильное, клубничное или шоколадное, смотря какая сказка.

Другой отвечает:

— А мы вывели новую породу коров, с крыльями. И теперь у нас целое стадо перелётных коров.

Третий вскочил и кричит:

— А зато мы придумали удобрение, от которого растения увеличиваются в тысячу раз!

Стали они спорить, чьё изобретение главнее.

Спорили они, спорили и решили объединиться, чтобы получилось одно общее ВЕЛИКОЕ НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ.

Сперва посыпали ту самую траву удобрением. Выросло целое дерево. Стали к тому дереву гонять летучих коров. Они за день наедятся, а к вечеру подоишь их в холодное ведро — и получай целое ведро мороженого. Плохо ли?

Потом учёные пошли к профессорам из электронного института и говорят:

— Сделайте нам сторожа для летучих коров.

Профессора подумали, с академиками посове-

товались, взяли вертолёт, мотоцикл, кофемолку, пылесос и компьютер, разобрали всё это на части и сделали летающего и самонаводящего петуха, это по-научному, а по-простому, сокращённо — Лисапет.

Ну, всё в порядке: коровы летают, мороженое дают, только однажды приходит к учёным милиционер в штатском.

— Где тут у вас самая дальняя комната, чтобы нам поговорить по секрету?

Отвели его в самую дальнюю комнату, собрались там все учёные и даже свет выключили, чтобы ещё секретнее было.

— К нам поступило сообщение, что ваших коров хочет украсть мафия!

Учёные заволновались, закричали:

— Да вы что? У нас каждая корова на вес золота! Примите меры!

Милиционер сказал:

— Пусть ваш электронный петух охраняет коров и подчиняется только тому, кто знает пароль. А пароль вы каждый день меняйте, чтобы о нём никто не проведал!

Но учёные не догадывались, что в темноте к ним прокрался рэкетир из мафии, всё подслушал и рассказал своему Главарю.

Тот подумал и говорит:

— Найдите мне самого плохого ученика.

Вот приходит один из мафии в школу. Тёмные очки надел, чтобы его не узнали. И спрашивает:

— Кто у вас тут хуже всех учится?

— А вон тот, из четвёртого класса «Д», он на уроках только жвачку жуёт, а у доски вместо ответа пузыри надувает.

Подошёл рэкетир к тому мальчишке, подарил три упаковки жвачек и говорит:

— Твоя мама разве не говорила тебе, что если будешь плохо учиться — пойдёшь коров пасти? Пойдём со мной, я тебя устрою работать пастухом. Всего три дня попасёшь и получишь миллион! Но только ты не забудь сказать, когда будешь на работу устраиваться, что учишься хорошо и знаешь много сказок.

Вот пришёл мальчишка в научный институт и спрашивает:

— Вам пастухи не нужны? Я хорошо учусь и знаю много сказок!

Учёные обрадовались и приняли его на работу, только предупредили:

— Когда прилетит Лисапет, ответь ему правильно на вопрос, а то он тебя слушаться не будет.

На следующий день он пришёл рано утром на

работу. Вышли коровы и бык с ними, сонные, еле плетутся. Пригнал их мальчик на поляну, а тут и солнце взошло. И как только луч солнца упал на коров, развернули они крылья, вспорхнули и полетели на дерево. Сели коровы на ветки, стали листья щипать. Один лист сорвут, а там уж другой вырастает.

Задремал мальчик под деревом. Вдруг слышит чьи-то грубые голоса. Это рэкетиры пришли на разведку, а пастуха и не заметили.

— Я знаю пароли на три дня вперёд, — сказал рэкетир, который пробрался в научный институт. — Сегодня вечером Лисапет спросит, сколько будет, если умножить восемь на три и прибавить один. А пастух — всем известный двоечник и лентяй, он ответить не сможет. Тогда я выйду из кустов, отвечу правильно и прикажу электронному петуху доставить перелётных коров прямо к нашему Главарю.

— А если он ответит верно?

— Тогда завтра опять прилетит Лисапет и спросит, как пишется: малако или молоко?

— А вдруг он и это знает?

— Где ему! Ну уж если как-нибудь случайно… Тогда послезавтра Лисапет спросит на английском языке: «Уот из ё нэйм?» А уж в английском

он точно — ни в зуб ногой! Вот утащим коров, пусть отвечает! Коровы-то, говорят, на вес золота! Мы будем каждый день мороженое есть, а его родители пускай всю жизнь за пропавших коров расплачиваются!

Испугался мальчик. Понял, что зря связался с мафией. А что делать?

Быстренько побежал он в научный институт, подошёл к одному сотруднику и спрашивает:

— Скажите, дяденька, вы учёный? Ну-ка, сколько будет, если три умножить на восемь и прибавить один? Я-то и сам знаю, только вас проверить хочу.

— Двадцать пять!

— Правильно!

Подходит к другому учёному и спрашивает:

— А вы правда профессор? Тогда скажите, как пишется: малако или молоко?

— Молоко, вот как! Разве тебя в школе не учили?

Подходит мальчик к академику и говорит:

— Чем докажете, что вы академик? Ну-ка, ответьте, что значит: «Уот из ё нэйм?»

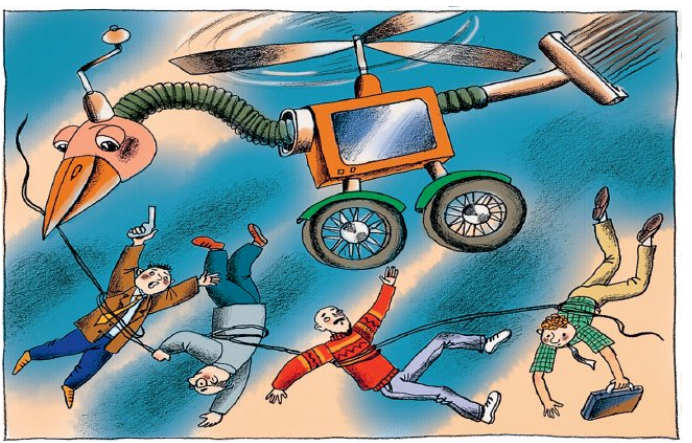
— Это значит: «Как тебя зовут?» По-английски. Вот тебя как зовут? Пантелеймон? (А этого лентяя родители назвали Пантелеймоном.) Значит, ты

должен ответить: «Май нэйм из Пантелеймон!» Разве вы в школе этого не проходили?

Но мальчишки уже и след простыл! Прибежал он на поляну, еле отдышался. Вот в небе показался Лисапет. Стальными крыльями машет, стальными заклёпками сверкает.

— Сколько будет, если три умножить на восемь и прибавить один?

— Двадцать пять! — отвечает мальчик и приказывает гнать коров домой.



Так он пас коров три дня и всё время отвечал правильно. А на третий день пошёл к рэкетирам и говорит:

— Ну, давайте теперь миллион!

— Какой ещё тебе миллион! — кричит бандит и вынимает чёрный пистолет.

Тут мальчик свистнул, с неба спустился Лисапет. Глаза горят злостью, весь жаром так и пышет! Очень он не любил мафию.

Мальчик ему приказывает:

— А ну-ка, хватай их всех и тащи в милицию!

А сам пошёл в школу и стал так хорошо учиться, что у его учителей очки на лоб полезли!

Каждый день он ходил на полянку к коровам, рассказывал им сказки, а вечером учёные доили корову и угощали его мороженым.

Если сказки были русские — то получалось сливочное, если французские — земляничное, если японские или китайские, то мороженое получалось апельсиновое, а если африканские — тогда шоколадное.

